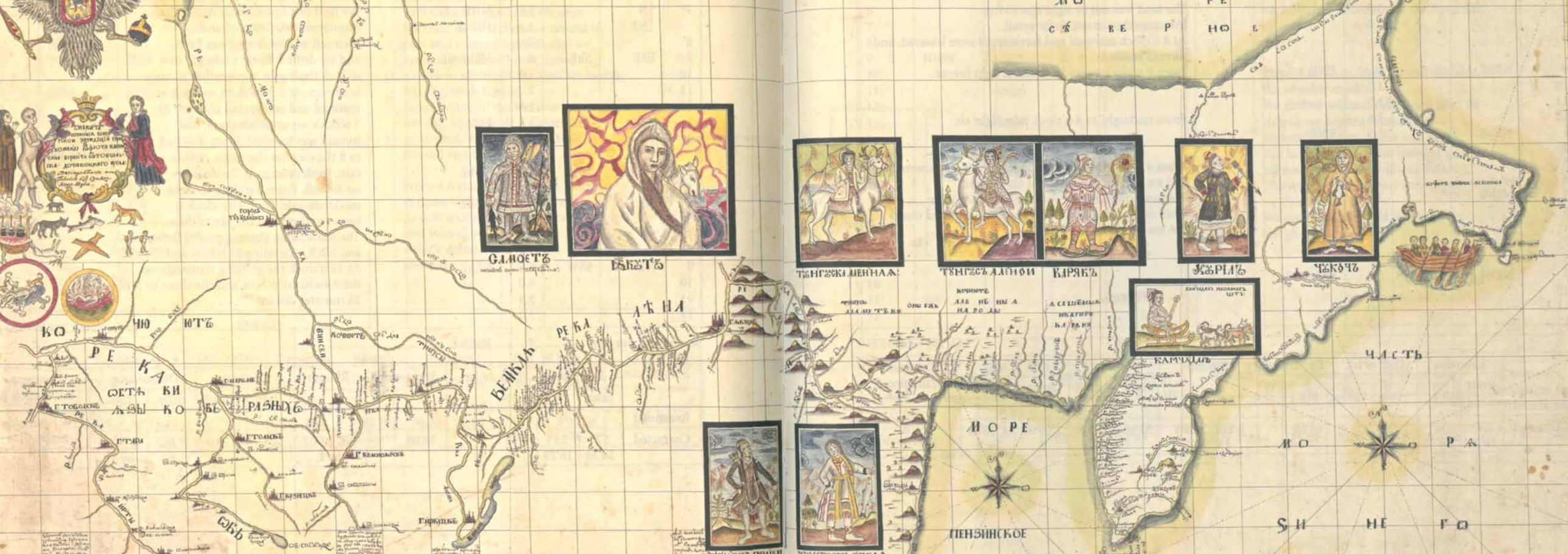
«Я — КАМЧАДАЛ ЗАКОРЕНЕЛЫЙ...»

САМОЕТЪ
БѢЛЪТЪ
ТѢНГЕЗСКІЯ ЛЕННАЯ
ТѢНГЕЗСКІЯ ЛАНФИ
КАРЯКЪ
ЮКАГИРЪ
ЧЮЧЪ
КАМЧАДАЛЪ
КОРЕКА
ОКТЯКИ
ЛЮБЫКОБЪ
РАЗНЫЙ
ГТОБОЛЬСКЪ
ГТОМСКЪ
ГКРАСНОЯРСКЪ
ГИРКУЦКЪ
БѢЛЬКА
РѢКА
АѢНА
ВИЛЮЙ
ОБЬ
ЛЕНЗИНСКОЕ
МОРЕ
СѢВЕРНОЕ
МОРА
ЧАСТЬ
СИНЕГО

ТАГАНОК

Я —
Камчадал закоренелый,
К дорогам торным так и не привык,
И мой таганчик обгорелый
Стоит среди нетоптанной травы.
Когда-нибудь
Мелькнет моя зарница,
Здесь кто-нибудь причалит свой ковчег.
Увидит таганок и удивится:
— Тут был Огонь и Человек!

В 2014 году вышел в свет двухтомник «Тайны камчатских имен» (по тысяче страниц каждый) об истории коренных камчатских фамилий. Это было огромным событием в жизни не только аборигенов и старожилов Камчатки, но и всех жителей полуострова, которые также, и совершенно справедливо, считают себя камчадалами.
Сегодня вниманию читателей предлагается новая творческая работа, в которой автор – Сергей Иванович Вахрин – выступает одновременно и как руководитель большого творческого коллектива, благодаря огромной и весьма плодотворной работе которого и подготовлена к изданию эта замечательная книга-альбом.
Не случайно в качестве ее названия избраны строки из стихотворения поэта Георгия Германовича Поротова: «Я — камчадал закоренелый…» — потомок русских крестьян Поротовых и Бобряковых он влился в единую семью народов Камчатки, породнившись – по крови и по духу – с коряками, эвенами, ительменами, алеутами и стал камчадалом в высшем значении этого слова — Сыном Земли Камчатской.
И сегодня в этой книге, рассказывая о единой семье коренного народа Камчатки – эвенах, алеутах, ительменах, коряках, русских старожилах — выделяется и подчеркивается самое главное – вклад всего этого народа в целом и лучших Сынов Земли Камчатской – «закоренелых камчадалов» — в отдельности в общую копилку камчатской истории, культуры, экономики, просвещения, здравоохранения…
В этой книге общими усилиями и, в буквальном смысле, по крупицам собран огромный уникальный материал об этих Сыновьях и Дочерях — истинной соли — Земли Камчатской, которыми мы по праву можем и должны гордиться.
Одновременно выход этой книги знаменует и начало большой кропотливой работы по подготовке и изданию новых книг из серии «Тайны камчатских имен». Какой бы большой по объему не была эта новая книга-альбом «Я — камчадал закоренелый…», она не может охватить необъятное – тот действительный вклад, который внесли аборигены и старожилы Камчатки в прошлом, вносят в настоящем и внесут в будущем в нашу жизнь.
Поэтому у читателя впереди еще новые и новые встречи с интересными книгами, открытиями и, конечно же, новыми тайнами…

С уважением,

Роман Георгиевич Гранатов,
Заместитель Председателя
Законодательного Собрания Камчатского края,
Председатель оргкомитета по изданию книг из серии «Тайны камчатских имен».

АББАКУМОВЫ — АБАКУМОВЫ

Эта фамилия камчадалов из селения Малка (закрытое в 1960-х годах и возрожденное детьми Николая Ивановича Аббакумова и Вероники Вячеславовны Болдыревой) нигде более на Камчатке в XVIII–XIX веках не встречалась, поэтому о происхождении этой фамилии можно говорить только предположительно. Да и сами камчадалы Аббакумовы отличались и по сей день отличаются от местных аборигенов своим ростом, — как правило, мужчины в этой семье всегда были крупными и сильными.

Собственно, и о происхождении названия села Малка (именно так оно называлось) также можно говорить только предположительно, так как на месте расположения этого села до начала XIX века не существовало поселения с таким именем — острожка, как говорили в то время. Вероятно, первоначально это было Аханичево жилище (названное по имени местного вождя — тойона: «От Аханичева жилища до Ганалина жилища — 33 версты. От Опачина острожка до верхнего брода — 33 версты, от верхнего брода до Аханичева жилища — 22 версты (Крашенинников С. П. «Описание земли Камчатки»)). Укрепилось это «жилище» как некий населенный пункт в 1765 году по приказу Ф. Плениснера для поддержания так называемой «каюрной гоньбы» — своеобразного дорожного тракта от Верхнекамчатского острога до Петропавловской гавани и Большерецкого острога, на котором привычную для России роль лошадей и ямщиков выполняли нартовые собаки и каюры. Судя по фамилиям, исключая Аббакумовых, жителями этого острожка стали жители окрестных сел, переселенные сюда для поддержания «каюрной гоньбы», вероятно, после опустошительной эпидемии («горячки») 1768 года, обрушившейся именно на те камчатские селения и их жителей, которые и располагались на этом «тракте».

Название Малка появляется значительно позднее и связано оно, как мне кажется, с горячими лечебными источниками, которые обнаружены здесь гораздо позже, чем описанные еще во времена, тогда еще студента, будущего академика С. П. Крашенинникова другие горячие источники Камчатки, но именно с которыми и была связана идея создания на Камчатке собственной лечебницы на ключах (или Ключах, с большой буквы, как первоначально они и назывались).

Откуда же появилось новое название — Малка?

По моей версии — это прямой аналог других Малок. Давайте заглянем в энциклопедию: Малка — горная река, одна из немногих кавказских рек. Река протекает в диком и труднодоступном ущелье, иногда переходящем в каньон. В районе Джы-ла-Су имеются горячие источники. Истоки Малки несут свои воды с северных склонов г. Эльбрус.

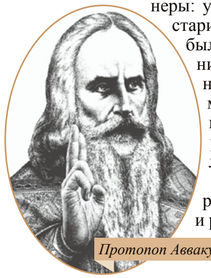
Но каким образом название горячих источников с Кавказа перекочевало на далекую Камчатку, о существовании которой мало кто знал в то время в России?

Как мне показалось, ответ на этот вопрос довольно прост: в начале XIX века комендантом Камчатки и командиром Камчатского гарнизонного батальона (прежде печально известного на полуострове Сомовского полка, о котором мы будем часто вспоминать в этой книге) был генерал-майор Павел Иванович Кошелев, который прежде служил на юге России адъютантом будущего фельдмаршала и героя Отечественной войны 1812 года Михаила Илларионовича Кутузова. (Кошелев Павел Иванович, генерал-майор. Родился в 1764 г., умер после 1831 г. Награды: орден Св. Владимира 3-й ст., Св. Анны 2-й ст.; крест за Измаил. Из дворян Орловской губернии. На военную службу записан в 1774 г. фурьером в лейб-гвардии Преображенский полк, действительное ее прохождение началось в 1789 г. в лейб-гвардии Конном полку в чине вахмистра. В 1790 г. ротмистром Ямбургского карабинерного полка принял участие в боевых действиях с турками. За отличие при штурме Измаила произведен в секунд-майоры и переведен в Бугский егерский корпус. В 1791 году в Константинополе при подписании знаменитого Ясского договора, завершившего русско-турецкую войну 1787–1791 гг., служил адъютантом графа М. И. Кутузова. 11 апреля 1800 г. назначен командиром Московского гарнизонного полка. С 15 сентября 1800 г. по 17 апреля 1801 г. — комендант Ахтиарской (Севастопольской) крепости и шеф сводного гарнизонного своего имени полка, затем с 21 ноября 1801 г. служил в Белевском мушкетерском полку.)

В те годы очень модным был летний отдых на горячих водах Северного Кавказа, куда съезжались титулованные особы и военные. Вполне возможно, что там побывал и Кошелев. Вполне возможно, что именно он и перенес название кавказской реки Малка на Ключи, где в 1806 году по его приказу на Малкинских (у Сгибнева ошибочно — Мильковских) водах построена была больница для венерических больных, а Кошелев просил Иркутского губернатора прислать сюда для работы специалиста-медика.

А вот теперь мы расскажем о семейной легенде Аббакумовых, объясняющих появление их фамилии в этом селении и некоторых особенностях и традициях рода, которые разительно отличались от других малкинских семей, почему и остались в памяти последующих поколений.

«Первые Абакумовы были привезены в Малку с восточного берега Камчатки. На Камчатку они были привезены за какие-то провинности, вернее всего, как последователи протопопа Аввакума, и как миссионеры: у нашего дедушки Петра Петровича было много старинных книг религиозного содержания, которые были сожжены в период коллективизации во избежание возможных катаклизмов. Кроме того, и оказание жителям медпомощи, когда не было в Малках медработников и медпунктов. Породнившись с местными жителями, Абакумовы стали все очень умелыми охотниками и занимались этим из поколения в поколение.

Протопоп Аввакум

Наш прадедушка Петр Петрович Абакумов родился в Малках. В основном занимался охотой и рыбной ловлей. Умер в 1937 году. Имел шестерых сыновей. Один из них, Иван Петрович, родился в 1901 году — наш дедушка.

Они все жили одной семьей, имели коров, лошадей, необходимых для охоты. И их раскулачили, т. к. во время коллективизации допускались перегибы, доходящие до смешного. Потом Ивану Петровичу это надоело и он переехал в Ганалы, где его выбрали председателем колхоза им. Крупской. Он не любил руководить, а его любимым увлечением была охота. Когда все успокоилось, он вернулся в Малку и стал выполнять план колхоза им. 1 мая по пушнине.

Поскольку еще и до революции села Ганалы, Малки, Начики относились к Большерецкому приходу, то все малкинские трудоспособные мужчины обязаны были в Большерецке исполнять своеобразную трудовую повинность и зачастую привозили оттуда себе жен. Так Иван Петрович женился на Анне Петровне Бречаловой, родившейся в 1898 году в Большерецке. В 1961 году Иван Петрович умер и похоронен в Малках. Анна Петровна умерла в 1977 году.

Наш отец, Николай Иванович, родился в 1923 году в Малках и прожил там всю свою жизнь за исключением пребывания в армии с 1942 по 1947 год. Воевал на Курилах. Был колхозником, работал в РМС рыбвода, сопровождающим почту, охотником в госпромхозе, на Малкинских минеральных водах. Умер он в 1982 году.

Аббакумов Николай Иванович **фото?**

Аббакумов Андрей Николаевич **фото?**

Аббакумов Владимир Николаевич **фото?**

Аббакумов Андрей Николаевич **фото?**

Мы его дети:
Абакумов Андрей Николаевич — 1949 г.
Абакумов Владимир Николаевич — 1956 г.
Абакумов Валерий Николаевич — 1959 г.
Зеленкова Галина Николаевна — 1951 г.
Иванова Тамара Николаевна — 1953 г.
Зеленкова Нина Николаевна — 1961 г.» (более подробно об этой уникальной семье рассказано в очерке «Просветительница из Малок», который подготовлен на основе писем Вероники Вячеславовны Болдыревой-Аббакумовой, свято хранящихся у ее дочери — Нины Николаевны Зеленковой).

В этом документе отсутствует одна очень важная подробность об Аббакумовых — из поколения в поколения они в силу исторических событий становились, как и многие другие камчадалы, защитниками Отечества.

Эта фамилия в списке жителей Камчатки, награжденных бронзовой медалью «За усердие» на Андреевской ленте, которые «По вызову, посланному по распоряжению Г. бывшаго Камчатскаго Военнаго Губернатора Контр-Адмирала Завойко, явились для защиты Петропавловского Порта в случае нападения непріятеля в 1855 году и во время пребывания Англо-Французской Эскадры в Авачинской губе находились в окрестностях Порта готовые к отраженію непріятеля, ежели бы он сделал попытку идти во внутрь страны, и помогали вывозкою казеннаго имущества» Николай (31 год), Петр (24) и Алексей (41) Абакумовы.

Трое из этого рода — Александр, Деомид и Яков приняли участие в отражении японских «хищников» в период русско-японской войны

1904–1905 гг. (более подробно об этих событиях написано в очерке «Хроника неоконченой войны»).

Николай Иванович Аббакумов был участником Курильского десанта. Ему посвятил эти вот строки его родной внук Федор Зеленков:

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОЕГО ДЕДА ПОСВЯЩАЕТСЯ

И помнит мир спасенный.Вечен ваш подвиг в сердцах грядущих.
(Надпись у подножия памятника на острове Шумшу)

«Шумшу... Кто на Камчатке не слышал об этом острове?

Шумшу... Каменистая земля острова обильно полита солдатской кровью и перемешана с зазубренными осколками снарядов, ржавыми патронными гильзами. Остовы танков там и тут, поникшие стволы орудийных пушек, кажется, и сейчас несут смерть.

Радовалась и ликовала в мае 1945 года Советская страна. Гремели салюты в столице нашей Родины – Москве и городахгероях. Победителей встречала вся русская земля. По Красной площади проходили парадным строем колонны. Поверженные фашистские штандарты, брошенные на землю, бесславно закончили свой позорный путь.

Но советские люди знали: на востоке затаился злобный и коварный враг – империалистическая Япония, верная союзница фашистской Германии.

На предложение о безоговорочной капитуляции японское правительство ответило категорическим отказом. Страны-союзницы обратились с просьбой включиться в войну против Японии.

Грядой Курильских островов, открытых и освоенных русскими землепроходцами в конце прошлого столетия, завладели японские империалисты. Укреплению гряды, особенно северных ее островов – Шумшу и Парамушир, – японцы придавали исключительно важное значение. На этих островах было сосредоточено до двадцати трех тысяч солдат и офицеров, созданы хорошо оборудованные огневые точки.

Ночью пятнадцатого августа главнокомандующий Советской армии на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А. М. Василевский отдал приказ о начале немедленной операции по овладению Курильскими островами.

Срок для подготовки операции был немыслимо минимальным – менее двух суток.

Участником Курильского десанта был и мой дед Аббакумов Николай Иванович. К сожалению, я никогда не видел деда, его нет с нами уже двадцать три года. Но со слов своих близких, из рассказов мамы я знаю, что он родился в 1923 году в селе Малка, что это был замечательный человек, труженик, хороший отец, муж. Они с бабушкой вырастили семерых детей, всем дали образование. Дети продолжают достойно нести фамилию Абакумовых. Дед никогда не рассказывал о войне. Да и дети, близкие люди, видимо, не расспрашивали его. Так часто случается, что мы редко интересуемся прошлым с нами рядом живущих: кажется, успеем еще, мы уверены, что они будут жить вечно. И вдруг жизнь человека оборвалась и спросить о нем некого.

Пытаясь восстановить события тех дней, я перечитал очень много книг о Курильском десанте. Очень хотелось среди имен и фамилий участников боев за Курилы встретить фамилию своего деда. Этого не случилось. Но в Книге памяти я встретил фамилию Аббакумова Савелия Александровича 1919 года рождения, погибшего 02.03.43 года, похороненного в Курской области, и фамилию Аббакумова Бориса Павловича 1928 года рождения, погибшего 24.08.1945 года.

Кто они моему деду? Родственники или однофамильцы? И на эти вопросы нет у меня ответа.

Но, перелистав много страниц, посвященных Курильскому десанту, я узнал, как это было.

На формирование десанта и его подготовку к погрузке отводилось два дня. В ночь на шестнадцатое августа 1945 года началась погрузка. Стояла тихая безветренная погода. Небо в серой дымке. В океан вышли на рассвете. Суда построились в кильватерную колонну – 64 судна. Впереди шли боевые корабли во главе с крейсером "Дзержинский".

На рассвете следующего дня суда подошли к острову. Японцы молчат. Томительно тянутся минуты. И вдруг воздух прорезал свист снаряда. Вслед за ним – второй. Почти одновременно в разных местах острова огнем и дымом вздыбилась земля. Это по нашему радиосигналу ударили с боевых кораблей и с мыса Лопатки. Бой начался. До берега оставалось не более полукилометра, когда загорелись один за другим несколько судов. Наступил момент, когда с высадкой было медлить нельзя.

Поступил приказ прыгать всем в воду и добираться вплавь.

"Мы несли большие потери и в плавсредствах, и, что особенно тяжело переживать, в личном составе", – вспоминал генерал-майор А. Р. Гнечко, командующий в 1945 году камчатским оборонительным районом.

Мой дядя, Аббакумов Андрей Николаевич, тоже вспоминал, что дед рассказывал, что во время десанта погибло очень много

Зеленкова Галина Николаевна **фото?**

Иванова Тамара Николаевна **фото?**

Из «Скасок» Владимира Атласова

...на Пенжине живут коряки пустобородые, лицом русоковаты, ростом средние, говорят своим особым языком, а веры никакой нет, а есть у них их де братья шеманы - вышеманят о чем им надобно: бьют в бубен и кричат.

А одежду и обувь носят (коряки) оленью, а подошвы нерпичьи. А едят рыбу и всякого зверя и нерпу. А юрты у них оленьи и рондужные.

А за теми коряками живут иноземцы люторцы, а язык и во всем подобие корецкое, а юрты у них земляные, подобны остяцким юртам.

А за теми люторцы живут по рекам камчадалы – возрастом невелики, с бородами средними, лицом походят на зырян. Одежду носят соболью и лисью и оленью, а пушат то платье собаками. А юрты у них зимные земляные, а летные на столбах, вышиною от земли сажени но три, намощено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в те юрты по лесницам. И юрты от юрт поблиску, а в одном месте юрт ста по 2 и по 3 и по 4.

А питаются (камчадалы) рыбою и зверем, а едят рыбу сырую, мерзлую, а в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землею, и та рыба изноет, и тое рыбу вынимая кладут в колоды и наливают водою, и розжегши каменья кладут в тое колоды и воду нагревают, и ту рыбу с тою водою розмешивают и пьют, а от тое рыбы исходит смрадной дух, что рускому человеку по нужде терпеть мочно.

А посуду деревянную и глиняные горшки делают те камчадальцы сами, а иная посуда у них есть левкашеная и олифяная, а сказывают оне, что идет к ним с острова, а под которым государством тот остров – того не ведают.

А веры никакой нет, только одне шаманы, а у тех шаманов различье с иными иноземцы: носят волосы долги.

А по хребтам живут в Камчадальской земле оленные коряки

И с теми камчадальцы всякую речь, о чем руским людям доведетца говорить, говорят коряцким языком ясыри, которые живут у руских людей. А он Володимер по коряцкому и по камчадальскому языку говорить ничего не знает.

А за камчадальцами вдаль живут Курильские иноземцы - видом против камчадальцов чернее и бороды меньши. А в той курильской земле против Камчадальской теплее. А одежду носят такую ж

солдат, так как плавать многие не умели. Из-за отлогого дна, песчаных отмелей и из-за перегруза не все десантные корабли смогли подойти близко к берегу.

Первым из десантников бросились в воду морские пехотинцы майора Г. А. Потарева. Моряки на себе, по горло в ледяной воде, переносили на берег минометные орудия, боеприпасы. Враг обрушил на смельчаков боевые удары, сосредоточил огонь артиллерии. Но десантников уже ничего не могло остановить. Самураи не ожидали такого прорыва. Первыми двумя траншеями моряки овладели с ходу. Оставалась еще одна, последняя...

Впереди была высота сто семьдесят один метр. Кряжистый кустарник, сплавшийся по земле, связывал движение, а карликовая растительность острова не смогла скрыть от глаз японцев наших десантников.

До очередных глазниц дотов оставалось метров сто. Но сколько мужества и отваги нужно, чтобы подняться навстречу шквалу огня и преодолеть это небольшое расстояние!

Моряки пошли в атаку. Завязалась ожесточенная схватка за высоту. Из каждого японского дота хлестали пулеметные очереди, скашивая цепи атакующих.

Николай Вилков, а за ним Петр Ильичев, повторив подвиг Александра Матросова, закрыли своими телами вражеские доты, спасли жизнь многим товарищам, обеспечили успешное выполнение боевой задачи.

Боевое Красное знамя, которое нес на груди под бушлатом Николай Вилков, было водружено на высоте ста семидесяти одного метра.

Тридцать первого августа 1945 года Курильские острова были полностью освобождены от японских захватчиков.

Вот так о событиях тех лет пишет А. Н. Волчанский, бывший представитель морского командования в Курильской операции: “Штурмовали морскую крепость Шумшу многие тысячи воинов, конечно, описать действия каждого невозможно. Но есть основное, характерное для всех участников операции, это – беспредельная преданность Родине, непреклонная воля к победе, самоотверженность и героизм”.

Среди многих “тысяч”, о которых пишет Волчанский, был и мой дед.

Сохранился военный билет деда. 10 апреля 1942 года он был призван на действительную службу. 1 мая 1942 года принял присягу при пятом стрелковом батальоне. С 18 августа 1945 года по 3 сентября принял участие в боях с Японией в составе 302 стрелкового полка. Рядовой. Стрелок. Награжден медалью “За победу над Японией”.

И когда слышишь, что японцы претендуют на некоторые Курильские острова, то сердце сжимается от боли за тех, кто положил жизнь в битве за исконно русские земли. А те политики, которые частенько заявляют о возможности передачи островов, вызывают у меня ненависть. Они не открывали эти острова, они не защищали их в Великую Отечественную войну, они не знают цены каждой пяди нашей земли. Разве мы, живущие в России, не обязаны сберечь то, что такими невероятными

усилиями до сегодняшнего дня сохраняли наши соотечественники в тяжелые дни испытаний, которые выпали на долю нашего великого многострадального народа?»

А это краеведческая школьная работа, которая посвящена супруге Николая Ивановича — Веронике Вячеславовне Болдыревой:

ПРОСВЕТИТЕЛЬНИЦА ИЗ МАЛОК

Работу выполнила:
Урм Мария,
ученица 10 класса
Корякской СОШ
Октябрь, 2008

Вероники Вячеславовна Аббакумова (Болдырева)

...Вы могли бы заведовать целым народом,
А не школой...Пустыня – будущий мир...
А люди будут благодарны,
Когда в пустыне вырастет дерево.
А.Платонов «Песчаная учительница»

Введение

Героизм, возвещаемый трубными звуками, не в состоянии передать бессмертную, всезавершающую мысль, вложенную в русское слово «подвиг». Героический поступок – это не совсем то, доблесть – его не исчерпывает, самоотречение – опять-таки, не то, усовершенствование – не достигает цели, достижение – имеет совсем другое значение, потому что некое завершение, между тем как подвиг безграничен.

Подвиг не умирает...Всегда вызывает чувство восхищения и благодарности. Подвиг по В.И.Далю, есть именно «доблестный поступок, дело или важное, славное деяние»...Он требует от человека предельного напряжения воли и сил, преодоление необычайных трудностей.

Общественно полезный результат такого героического поступка превосходит по своим масштабам результаты обычных действий. Подвиг всегда уникален и не измерим.

Подвиг не только можно обнаружить у вождей нации. Множество героев есть повсюду. Все они трудятся, все они вечно учатся и двигают вперед истинную культуру.

Мой реферат – это штрих к портрету поколения 40-х - 60-х годов, иллюстрация его жизни и деятельности. Суровое было время...Но и героическое.

Жизнь Вероники Вячеславовны Болдыревой, просветительницы из Малок, – это частица большой истории народа, своеобразная летопись прекрасной и трудной эпохи созидания и утверждения новой жизни.

Все время, пока Вероника Вячеславовна Болдырева жила в Малках, выйдя замуж за камчадала Н.И. Аббакумова и вырастив семерых детей, она мечтала вырвать свою семью из отсталости и бескультурья. И сама не заметила, как, борясь за личную жизнь своей семьи и отстаивая интересы своих земляков, просвещая и повышая их культурный уровень, вросла в эту жизнь и стала одной из важнейших ее составляющих. Она признала жителей Малок, как членов одной, в том числе ее собственной, семьи, а малкинцы признали ее своей, родной и близкой. И всю себя, без остатка, она отдавала этой семье, влюбленная, как девчонка, в малограмотного, но душевно прекрасного «папу Колю», его родителей и родственников, которых было «полдеревни», своих детей и внуков (у Вероники Вячеславовны было 9 детей, 14 внуков, 10 правнуков), каждому успеху которых она радовалась от всей души.

Я хочу, чтобы мое участие в конкурсе рефератов на тему «В жизни всегда есть место подвигу», помогло вписать достойное имя Болдыревой В.В. в нерукотворную книгу Памяти за трудолюбие, отвагу, за стремление к добру, к делам на пользу стране и людям. Пусть эта книга славы и памяти никогда не будет окончена! Как только допишется в ней последняя страница, появиться новая, в которую занесут имена достойных граждан страны, чьи подвиги и добрые дела не могут, не должны быть забыты.

Пусть пройдет много лет, а интерес к подвигам отважных не угаснет.

Глава I. Жизненный путь

Суровое было время... Суровое, но и героическое. Жизненный путь Болдыревой В.В. – это гимн мужеству человеческого духа.

Вероника Вячеславовна Болдырева родилась 4 февраля 1919 года в городе Томске в известной семье сибирских просветителей. Мать – Лянге Мария Войцеховна была дочерью польского ссыльного. Отец – Болдырев Вячеслав Олимпович сыном управляющего Егорьевскими золотыми приисками и потомком основателя знаменитой Колыванской шлифовальной фабрики Филиппа Стрижкова (вазы из яшмы и малахита можно и сегодня увидеть в Петербурге – в Эрмитаже).

Детей в семье Болдаревых было десять. Вероника была старшей. И судьба ее сложилась несколько иначе, чем у других братьев и сестер, кто остался с родителями в Сибири, а она уехала на далекую Камчатку. Брат Владимир стал академиком, директором Института химии твердого тела и механохимии Сибирского отделения Российской Академии наук. Другой брат Рэм – кандидатом медицинских наук, известным врачом – педиатром в Санкт – Петербурге. Гелий – кандидатом технических наук. Май – кандидатом геолого-минералогических наук. И Вероника тоже стремилась в науку.

В начале Великой Отечественной войны окончила курсы медицинских сестер, работала в госпитале в Томске. Потом возвратилась в Анжеро-Судженск и преподавала в средних классах школы естествознание и немецкий язык, окончила Томский Государственный университет, стала биологом.

Вскоре получила назначение директором рыбоводно-биологической станции в далеком и глухом камчатском селении Малка.

А вот как об этом пишет журналист Н.Ильенко в газете «Камчатская правда» от 2 сентября 1965 года (в статье «И осталась она на Камчатке»): «Вероника Вячеславовна появилась в Малках давно. Съездил почти двадцать лет назад рабочий Малкинской рыбоводно-мелиоративной станции камчадал Николай Иванович Аббакумов на собачках в село Коряки (другого вида транспорта не было) и привез оборудование для станции. Закутанная в медвежьи шкуры, на нарте сидела щупленькая женщина. Распряг собак и в дом родителей: «Заведующую станцией привез, у нас поживет». Вскоре они поженились. (приложение 1)

Из письма Болдыревой В.В.:

«Я живу на Камчатке с 1948 года, приехала сюда работать ихтиологом. Жила и работала в поселке Малки, где и вышла замуж за местного жителя» (потомка первооткрывателей Камчатки Аббакумова Николая Ивановича) (приложение 2, 3)

Жизнь не была сладким пряником для этой супружеской пары. Вдвоем с мужем в пургу и в морозы, в дождь и в половодье Вероника Вячеславовна «обживали станцию». Вдали от людей они постигали природу. Изучали условия жизни лососевых в водоемах, измеряли мальков, весной вскрывали гнезда, чтобы знать, как они сохранились за зиму, считали икринки. Ставили заграждения, подсчитывали, сколько молоди скатывается в океан.

Журналист Ильенко в статье «И осталась она на Камчатке» отмечал: «Заведующая жадно перенимала от своего верного помощника любовь к родной природе, умение читать и понимать ее. Удивительно быстро Николай Иванович освоил свои обязанности. И когда жена отлучалась – то из-за болезни сына, то по делам станции – он самостоятельно выполнял весь комплекс исследований»

Интересно об этом времени пишет сама Вероника Вячеславовна.

5 марта 1948 года:

«...там в Малках я у себя на станции буду самая главная среди своего штата (3-х рабочих) и всю работу и свои материалы и выводы все самостоятельно. Не знаю, насколько хватит на это моих сил, конечно, и жилищные условия будут хуже, но к трудностям мне не привыкать, а только страшит меня одиночество, полное отсутствие культуры в глухой деревеньке, но ведь не я первая, не я последняя, и это не навек...»

22 апреля 1948 года:

«Мама! Дорогие мои хорошие все. Вот и попала я, если еще не к сердцу сказочной и далекой Камчатки, то во всяком случае за 150 км. от Петропавловска, в Малку, где и будет развертываться моя рыбоводно-мелиоративная работа. Здесь 21 домик. Крошечный клуб, такая же школа, медпункт с роддомом на одну койку, медведи, рыба, морошка, княженика, кедрач карликовый и даже малина и земляника есть по слухам, горячие ключи и нарзан, колба и шиповник, ольха и ветла. 50 км. от города ехала на автомашине, а стальные 100 на собачках с одной остановкой в Начиках, так как днем наст раскисает и нарта проваливается. «Цаевали» по разу в дороге. Вообще этот способ

передвижения мне понравился. Кормят меня медвежатиной и гольцами, которые очень жирные. А вообще кроме подобного подножного корма здесь все невозможно достать. Даже с хлебом очень плохо, вообще выдают мукой. Еще толком не устроилась».

Без даты

«Буду на досуге содействовать просвещению в Малке, даже могу читать доклады и лекции. Вообще энергия и жизнерадостность меня никак не покидают, несмотря ни на что, только очень уж мне тоскливо без ваших писем... Меня спасает моя общительность, так при измерении температуры и пробах на мальков меня уже окружает свита из малолетних камчадалов, принимающих в этом деятельное участие. Между прочим, камчадалы не любят, чтобы их считали нерусскими, говорят по-русски, но не выговаривают «ч» и многие довольно таки приобщены к культуре: выписывают газеты, имеют патефоны, пытаются проводить радио. Молодежь пытается заводить модные платья, и поют современные, иногда очень модные песни».

Без даты

«Живу с Колей и его семьей очень хорошо...во время экспедиции, где я пробыла 10 дней, заболела и, воспользовавшись этим, осталась в Малках. Как мне не хотелось сюда ехать, настолько теперь меня отсюда никуда не выживешь, кроме как в родную Сибирь...» (приложение 4)

7 ноября 1949 года

«Осенью Николай для сына приобрел ванночку, железную кроватку, себе тоже железную кровать. Сделала матрасик, дали нам клееночку, кое-что пошила сыночку сама...нет теплого одеяла, но мы не унываем: набьет Коля уток, сама пошью пуховое одеяло сыночку...» (приложение 5)

Без даты (примерно 1949 – 1950 год)

«У нас есть хозяйство, что конечно до некоторой степени связывает, но с другой стороны будто мы не люмпен-пролетариат, а солидные собственники: нарта собак (8 штук), хорошие собаки, 2 кошки, корова.

Живем в собственной землянке – делается она так: врыты столбы, кругом и сверху обставляется жердями, а все вокруг обкладывается дерном. Внутри благоустраивается в зависимости от возможностей и вкусов хозяев. Чтобы не было сырости, надо хорошо топить, но папа у нас не ленится возить и колоть дрова (даром они), а мама любит тепло и топит на совесть. Наша землянка была еще в прошлом году построена бывшими рабочими станции. Потом там была конюшня. Затем Коля выгреб из нее все: с полметра выкопал земли, лошадей у нас не было, и он на себе натаскал кирпичей на печку».

Без даты

«Андрей, первенец, растет вовсю, только трудно доставать все. Кормлю его рыбным супом с овсянкой. Или толокном (жареная мука) из белой муки. Грудь тянет, молоко есть. Уже почти самостоятельно сидит.

Игрушек у нас нет, играем посудой и маленьким футляром от очков. Сынок наш крепкий, подвижный, очень хорошенький и умный. Весь в родителей. Над Андрюшкой трясусь, так как нет врачей и консультации, в лесу страшновато за ребенка.

В Малке, правда, коллектив спаянный (все село 20 дворов), отзывчивый на все общественные мероприятия, но все же бедно духовно живут. Все же основные занятия молодежи после работы карты, выпивка, «любовь» чуть не с 12 лет, похуже, чем любовь. Это здесь явление обычное. Добиваюсь перевода в Малку директором и, добившись, кроме основной работы возьмусь за культурную. В этом отношении есть у меня уже заслуги – уважаемый редактор стенгазеты и вообще меня народ, скажу не хвастаясь, уважает и любит. Культурные кадры там супруги, учитель с женой фельдшерицей. Буду членом общества по распространению политических и научных знаний».

Глава II. Не ради славы…

В 1951 году, с появление второго ребенка, Вероника Вячеславовна уволилась из Камчатрыбвода и переехала из лесу, со станции, в Малки.

Как говорила сама Вероника Вячеславовна, «переключилась на массово-просветительскую работу».

Из письма В.В.Болдыревой:

«Работаю в Малках заведующей избой – читальней... А чтобы здесь работать и наладить культпросветработу нужно чем-то людей заинтересовать, в корне перевернуть их привычки. Бедность, разболтанность в колхозе и во всем селе, так же и в окрестных селах...

Единственное, что вызывает интерес – это спирт (несколько утрирую, но это правда), надо что-то делать, в корне все ломать, чтобы у людей было желание действительно жить по – человечески».

Трудно было строить новую жизнь, ломать привычный уклад жизни. Очень часто приходилось что-то делать для людей на чистом энтузиазме. Никаких благ для себя не искала Болдырева В.В., всю свою жизнь посвятила (и это не громкие слова) служению людям.

Когда в 1965 году журналист Ильенко решил написать о ней очерк, смутилась вниманием к своей особе:

– Собираетесь обо мне написать? Напрасно. Ничем не примечательная. А сейчас даже чувствую себя полутунеядкой. Работаю в полсилы. Официально числюсь заведующей клубом, а клуба – то у нас нет. Так изба – читальня 30-х годов. Библиотеке уже 5-й год не присылают ни одной книги. «По штатам не положено»

Вероника Вячеславовна не сдавалась перед трудностями: продавала старые газеты, экономила на ремонте избы-читальни, из собственных денег добавляла, пополняла фонд библиотеки. Многие газеты, журналы (особенно любили читать «Роман-газету») из личной подписки отдавала людям.

Организовала при избе – читальне художественную самодеятельность, читала лекции, доклады перед показом фильмов, перед началом самодеятельных концертов. В одном из писем (датированных 1952 годом) обращается к брату помочь в организации (куклами, репертуаром, советами)

что и камчадальцы, только камчадальцов оне скуднее. А соболи у них есть, только плохи, для того что место стало быть теплое. А бобров больших и лисиц красных много.

А вдаль за теми курильскими иноземцами какие люди есть и далека ль та земля – неведомо.

А от устья итти вверх но Камчатке реке неделю есть гора – подобна хлебному скирду, велика гораздо и высока, а другая близь ее ж – подобна сенному стогу и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево. А сказывают камчадалы: буде человек взойдет до половины тое горы, и там слышат великой шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы которые люди всходили – назад не вышли, а что тем людем на горе учинилось – не ведают.

А из-под тех гор вышла река ключевая – в ней вода зелена, а в той воде как бросят копейку – видеть в глубину сажени на три.

А вышеписанные иноземцы державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богатее – того больши и почитают. И род на род войною ходят и деругся. А летом те все иноземцы мужеского полу ходят наги. А к бою временем бывают смелы, а в иное время плохи и торопливы. А наперед сего дани с тех иноземцов никуды не имано.

А жен имеют всяк по своей мочи – по одной и по 2 и по 3 и по 4. А скота никакова у них нет, только одне собаки, величиною против здешних, только мохнаты гораздо – шерсть на них длиною в четверть аршина. А соболей промышляют кулемами у рек, где рыбы бывает много, а иных соболей на дереве стреляют.

А воюются те иноземцы меж собою род с родом. А огненного ружья гораздо боятся и называют руских людей огненными людьми. А бои с рускими людьми у них были только до тех мест как сойдутся с рускими, и против огненого ружья стоять не могут и бегут назад. А на бои выходят зимою камчадальцы на лыжах, а коряки оленные на нартах: один правит, а другой из лука стреляет. А летом на бои выходят пешком, наги, а иные и в одежде.

А товары к ним надобны: одекуй лазоревой, ножи. А у них против того брать соболи, лисицы, бобры большие, выдры.

А на море около люторов зимою лед ходит, а все море не мерзнет. А против Камчатки (реки) на море лед бывает ли – не ведает. А летом на том море льду ничего не бывает.

А по Камчатке реке к морю посылал он Володимер казака для проведыванья иноземцов, и тот казак по Камчатке до моря ходил и сказывал, что он видел по Камчатке камчадальских иноземцев от Еловки речки до моря 160 острогов. А в остроге в одной зимной юрте, а в иных острогах в 2 юртах живет людей человек по 200 и по 150. А летние юрты около острогов на столбах – у всякого человека своя юрта. А до руских людей острогов у них было меньши, а при руских людех острожков наставили больши для опасения, и из тех острожков бьются – бросают каменьем, пращами, и из рук большим каменьем с остржку мечют, и обвостренным кольем и палками бьют. И к тем острожкам руские люди приступают из-за щитов и острог зажигают и станут против ворот, где им (иноземцам) бегать, и в тех воротах многих их

кукольного театра. «Организация кукольного театра в наших условиях – огромной важности дело», – писала она брату в далекую Сибирь.

1953 год. Из писем Болдыревой В.В.:

«Горжусь тем, что у нас кино с 1 января было 18 сеансов, что построили кинобудку, добились аппаратуры, что будет свой киномеханик. У меня в библиотеке 45 читателей, и читают они такие книги, как «Овод», «Поджигатели»...

17 мая 1953 года.

«Меня приняли кандидатом в партию на партсобрании в с. Малки, будут завтра или послезавтра утверждать на бюро... Я чувствую огромную ответственность за жизнь своего села, за своих земляков...»

Июнь 1953 года.

«Меня сравнивают с сельской учительницей... Я очень тоскую по цивилизации, но от культуры не отстаю: добилась кино, теперь задача – добиться радио в избу – читальню. Вообще настроение боевое».

Неудовлетворенность в работе, тяжелые условия существования иногда приводили в отчаяние. Из письма: «Приходит мысль спасаться бегством, бросить все и перейти на более спокойную во всех отношениях, более выгодную работу. Но опасение оказаться дезертиром перед самим собой, летать с места на место, останавливает меня...»

И, тем не менее, тоскуя по родной Сибири, Вероника Вячеславовна уговорила мужа, и они всей семьей (тогда уже кроме Андрея, были Галя, Тома и Вова) снялись с насиженных мест на Большую Землю.

Приехали к родным в Новокузнецк. Николай поступил на курсы бетонщиков, получил пятый разряд, зарабатывал немало. Но тоска по родным местам брала свое. Каждый день только и слышалось: «Ау нас на Камчатке» или «Теперь там охота началась», «Ягоды пошли», «Мама, рыбы хочу»...

Первым из взрослых затосковал Николай. Не спит ночами. «Помнишь, Вероника, ты мне о Маяковском говорила. Он писал про землю родную, с которой голодал и холодал. Не могу без нее, поедем».

Да и Вероника Вячеславовна чувствовала себя как-то скованно, пока не разобралась – не здесь теперь ее место. Собрались, вернулись в село Коряки. Николай хотел в Малки, да место его было занято. Устроился в рыбкоп, хлеб развозил. А Вероника Вячеславовна с 1958 по 1959 работала заведующей клубом в селе Коряки. До сих пор в Корякских вспоминают люди добрым словом Болдыреву Веронику Вячеславовну.

Вот что рассказала учительница Корякской средней школы Ф.Д.Кочан: «Вероника Вячеславовна только один год была заведующей в нашем селе, но мы (тогда молодые девчонки были!) с моими подругами и сейчас уверенно можем сказать, что лучше ее заведующей не было: проводились праздники, вечера, встречи интересные, читались лекции, устраивались диспуты. А порядок какой

на танцевальных вечерах был! Строгая была заведующая! Все ее уважали! Тянулись люди в Сельский Дом Культуры».

При первой возможности вернулась семья Аббакумовых в Малки. К тому времени была Вероника Вячеславовна – членом КПСС. Снова окунулась она в общественную жизнь села, неоднократно избирали ее односельчане депутатом сельского совета, председателем лавочной комиссии... Шли люди к Веронике Вячеславовне со своими бедами, спорными вопросами, с просьбами письмо написать, с квартирными вопросами помочь...Помогала людям бескорыстно, «не ради славы и наград», для каждого время находила...

Часто, решая вопросы, волнующие односельчан, отправлялась на перекладных (с транспортом трудно было) в Елизово, в Петропавловск, свободно заходила в райисполком, облисполком. К ее мнению прислушивались...

Из письма Бондаревой В.В.:

«Трудно мне бывает... За людей душа болит... Но мне ли падать духом? Это для меня роскошь. Я не имею на нее права. Недаром секретарь райкома нашего сказал: «Ты Болдырева у нас – мужественная женщина, борись и терпи». Было мне как-то туго в работе и быту, но с каждым годом я закалялась и учу этому других»...

Большое щедрое сердце было у Вероники Вячеславовны.

Вспоминает дочь Болдыревой В.В.:

Просветители из Малок следующего поколения – семья учителя-краеведа Нины Николаевны Зеленковой (Абакумовой). Один из сыновей – автор сочинения про своего деда Николая Ивановича – участника Курильского десанта **фото?**

«Двери дома моих родителей всегда были открыты для людей... В 1964 году школу в с. Малки закрыли, дети стали учиться в Елизово в школе – интернате. Приезжая домой на каникулы, мы привозили своих друзей, у которых не было родителей. А дом был маленьким, одна комната и кухня. Родители любили интернатовских детей как родных. До конца своей жизни они интересовались их жизнью, помогали этим детям» (приложение 6)

Трудная судьба у села Малки. Пустело оно, умирало. Закрывали его. Вероника Вячеславовна боролась за то, чтобы не одичало это место. И добилась. Все члены семьи Аббакумовых, - корни которых уходят в вековые дали, получили каждый надел земли в 30 соток и, это стало основой размещения родовой общины, земля не потеряла человека. А теперь село Малки вновь расцветает. У него есть будущее. Болдырева В.В. – мать, просветительница, труженица, человек, влюбленный в человека, награждена медалью СССР «Материнская слава» III степени, медалью «Ветеран труда за долголетний доблестный труд», отмечена медалью в честь 50-летия Победы в Великой Отечественной войне. Главная ее награда – память в сердцах детей, внуков и очень многих людей, которым отдавала она свое большое сердце.

Глава III. А подвиг не умирает…

Подвиг не умирает... Слова «Никто не забыт, ничто не забыто» должны быть близки и понятны каждому. Иначе прервется связующая нить времен...

А это не должно случиться. Вот уже десять лет нет с нами замечательного, светлого, сильного духом Человека – Болдыревой Вероники Вячеславовны, а ее не забывают люди... Ее дело продолжают ее дети.

Из письма учительницы Вероники Вячеславовны:

«Жизнь твоя проходит достойно! Воспитать столько детей, хороших, честных, в тех ваших условиях – подвиг! Слава и честь матери и бабушке Веронике!»

Старшая дочь, Болдырева Ирина, стала врачом – педиатром; сын Андрей Аббакумов – заместитель генерального директора Камчатских ТЭЦ, средний сын Володя – ведущий рыбопромышленник Камчатки, Валерий – милиционер; дочери Галина и Нина – педагоги, Тамара – главный бухгалтер строительного объединения «Якутгражданстрой».

Внуки и правнуки Болдыревой В.В. – молодая смена, имена их еще прославят страну!

Заключение

Герой очерка «Легкий воздух Саян» (журнал «Звезда» № 10 – 1977 год) говорит: «Осознайте себя великим человеком. Постарайтесь во всем быть великим: и на уровне знаний, и в отношениях к людям. Вы будете великими не только в работе, но и в щедрости, доброте, дружбе, правдивости, принципиальности, скромности, уступчивости...»

Бесспорно, эти слова в полной мере можно соотнести с жизнью – подвигом Болдыревой В.В. Поэтому недаром свою работу я начала с эпиграфа из рассказа А.П.Платонова «Песчаная учительница». Эта героическая девушка научила людей превращать пустыню в цветущий край, а Вероника Вячеславовна, приехав на Камчатку в трудное послевоенное время, не только создала крепкую,

дружную семью, но, будучи многодетной матерью, находила время заниматься общественной работой, служила людям – боролась с духовной «пустыней»: безграмотностью, низким уровнем культуры, бедностью...

Жизнь Болдыревой В.В. – это гимн мужеству человеческого духа.

Интересно проследить родственные связи этой семьи на основе выписок из метрических книг Большерецкой Успенской церкви, хранящихся в Государственном архиве Камчатского края и РГИА ДВ:

1895 г. Малкинского селения камчадал Иннокентий Николаевича Аббакумов (38 лет) женится вторым браком на дочери Малкинского селения умершего камчадала Романа Алексеевича Панова Ирине (25 лет).

На следующий день свадьба у петропавловского мещанина Иннокентия Константиновича Гарднер (31), который женится на восемнадцатилетней Евдокии – дочери камчадала Малкинского селения Климента Алексеевича Аббакумова.

1899 год. Малкинский камчадал Даниил Иннокентьевич Аббакумов (19) женится на дочери камчадала селения Колпаковского Романа Вагина девице Марии (17).

В тот же день камчадал селения Малка Стефан Александрович Пермяков (29) берет в жены дочь Иннокентия Николаевича Аббакумова девицу Варвару (17).

1907 год. Малкинского селения камчадал Александр Григорьевич Аббакумов (26) женится на дочери того же селения камчадала Ефима Михайловича Волкова девице Екатерине (17).

1910 г., февраль. Корякского селения камчадал Василий Прокопьевич Дьяконов (29) вторым браком берет в жены Малкинского селения вдову камчадала Марию Романовну Аббакумову (28).

1910 г., апрель. Малкинского селения камчадал Фотий Петрович Аббакумов (16) берет в жены Апачинского селения камчадала Гавриила Ивановича Панова дочь девицу Александру (23), родившую ему дочь Алексан-

ПЕРВЫЕ УДАЧИ ОХОТНИКОВ

дру (Зимину), ставшую лучшей охотницей Елизовского госпромхоза.

Николай Иванович Аббакумов был не единственным из семьи, кто принял участие в боевых действиях во время второй мировой войны и Великой Отечественной войны.

Участники Великой Отечественной войны и войны с Японией:

Аббакумов Григорий Александрович (1917 г.р.), лейтенант, командир саперного взвода 920 стрелкового полка, 311 ПС, пропал без вести после 28 августа 1941 года.

Начальнику отдела по персональному учету потерь офицерского состава Красной Армии г. Москва.

Ко мне обратилась мать офицера Аббакумова Екатерина Ефимовна с просьбой оказать ей помощь в розыске сына Аббакумова Григория Александровича, 1917 года рождения в селе Малка Петропавловского района, Камчатской области.

В Красной Армии с 1940 года. До начала войны с Германией учился в военном училище в г. Орджоникидзе. В начале войны прислал единственное письмо 28.VIII.41 года на адреса Действующая Армия, Полевая станция 811 10 СП Санрота.

Абакумов Борис Павлович (1928 г.р.), г. Петропавловск-Камчатский, служил ТОФ, Петропавловская ВМБ э/м «Охотск», погиб 18 августа 1945 года при высадке десанта на о. Шумшу

Абакумов Савелий Александрович (1919 г.р.) из с. Малка, красноармеец 354-й стрелковой дивизии, убит в бою 2 марта 1943 года, похоронен Курская обл., Михайловский р-н, д. Лубошево.

АДУКАНОВЫ

Быстринские эвены из рода оленеводов Адукан.

Мы открываем этот очерк об истории династий камчатских орочей, ламутов, эвенов, как в разные времена назывался этот кочующий по северной тундре народ, в честь которого первоначально даже Охотское море называлось Ламским, очерком журналиста Веры Ступниковой «Отважная эвенка» о дочери потомственного оленевода Аркадия Борисовича Адуканова, воспитанной тетей-мамой Дарьей Борисовной Адукановой, заменившую рано умершую мать.

Адуканов Аркадий Борисович

ОТВАЖНАЯ ЭВЕНКА

«Делись хорошим, тебе потом тоже придет!» Девиз Маргариты Байшуаковой.

В этом году (очерк написан зимой 2013 года, – С.В.) снова выйдет на старт камчаткой гонки на собачьих упряжках «Берингия» женщина-каюр из Оссоры Маргарита Байшуакова (урожденная

Адуканова). Своим примером она уже «заразила» камчатскую бизнес-леди Анфису Бразалук, которая весной 2012 года также сумела преодолеть трассу самой протяженной гонки Евразии на собственной упряжке, а также два последних года поддерживала в экспедиции иностранную участницу гонки Лизу Штреккер из Фрайбурга (Германия). Однако Рита все равно остается первой женщиной «Берингии», рискнувшей взвалить на свои хрупкие плечи ежегодное участие в этой нелегкой гонке.

Маргарита – фельдшер скорой помощи, - ее в Оссоре знают все. Кто бы ни встретился, в какой бы дом ни позвали оказать помощь, начинают с вопроса: «Ну что, Рита, идешь на следующую гонку». «Я уже стала заложницей «Берингии», – шутит Рита. – Теперь нельзя не пойти. Скажешь, что хочешь пропустить соревнования – так сразу столько вопросов! И главный: а кто же, если не ты!?»

И действительно – Оссору в этой уникальной экстремальной гонке представляет только она. Есть каюры в соседней Караге, Тымлат выставляет несколько упряжек сразу, даже в Петропавловске есть свои каюры, а в трехтысячной Оссоре – одна Маргарита отважилась выставить упряжку на «Берингию».

Не сразу решилась она выйти на старт. Год за годом экстремальная гонка приучала к себе Риту шумными красочными праздниками и раздалыми каюрами, лихо проносившимися по главной улице Оссоры. Радушная хозяйка, Маргарита Байшуакова однажды пригласила к себе в квартиру каюров «Берингии», - чайку попить, поговорить, впечатлениями поделиться. Да так и засиделись за рассказами далеко за полночь. Это продолжалось год-два-три: тесная квартирка наполнялась запахами «Берингии» и рассказами о приключениях, а затем вдруг становилась необычайно просторной и пустой – каюры разъезжались по домам. И Рита, наконец, решилась: «А разве я не смогу участвовать в этой гонке?!»

История умалчивает, как встретили ее решение камчатские каюры. Однако шесть лет назад, когда Рита впервые вышла на старт со сборной упряжкой – с каждого двора по собаке - мужчины вели себя как истинные джентльмены: в пути ей помогали советами, на отдыхе уступали место у печки, подливали чаю, относились не как к сопернице – как к другу. Впрочем, это главное правило «Берингии»: каюры- прежде всего друзья, готовые помочь, а потом уже соперники. По-другому в тундре не выжить.

Да и сама Маргарита человек добрый и светлый, готовый всегда придти на помощь. И очень самостоятельный: «Терпеть не могу просить о чем-нибудь! Я привыкла все делать сама», – говорит она. Глянешь, как выворачивает дама из пухляка (свежего снега) груженую нарту, помогая собакам одолеть трудный участок, и сердце замирает. Работа, которую Маргарита – при ее-то росте в 152 сантиметра – выполняет на гонке, кажется непосильной.

Впрочем, к участию в экстремальной гонке ее готовила сама жизнь.

Рита родилась в 1961 году в Тваяне. Она появилась на свет 12 марта - в день рождения отца – потомственного оленевода Быстринского района Аркадия Борисовича Адуканова. Мама маленькой Риты, – Полина Ефимовна Солодикова, – работала в оленеводческом звене, но не чумработницей, как большинство женщин в те годы, – она сама пасла оленей. Отец сразу воспитывал малышку как мальчика – очень уж он хотел сына, поэтому и обращался к дочери так, как эвены обращаются к сыновьям: Кока. Сорванец Кока в два года была вполне самостоятельной и боевой. А буквальный перевод этого имени – маменькин сынок – ну никак не подходил к ее характеру.

Может быть, именно это помогло ей пройти потом все испытания сиротства.

Когда Рите исполнилось два с половиной года, ее мама умерла в родах. Похоронив супругу, Аркадий Борисович взял за руку свою Коку и отвел в дом к родной сестре – Дарье Адукановой. Девчонка расплакалась, протестовала, как могла, но отец уехал в табун. Пришлось смириться, а уже месяц спустя Кока верховодила в многодетной семье – у тети и своих детей было шестеро. «Мама интеллигентный от природы человек, она никогда на нас не кричала, а бить уж тем более не била», –

Адуканова Полина Борисовна, первый медик района среди эвенов

Адуканова Дарья Борисовна

Семья оленевода Ильи Адуканова, Анавгайский совхоз

Нижний ряд: 1-я слева Адуканова Полина Борисовна, 8-й Адуканов Аркадий Борисович

Знатный оленевод Илья Адуканов. Художник Федюкова И.А.

вспоминает Рита годы, проведенные у второй мамы. Она полюбила новую семью и потом, когда пришлось учиться в Эссо, в интернате, тосковала по дому и всей душой ненавидела интернат, который оторвал ее от родного очага.

Дарья Борисовна Адуканова встречает Риту на старте «Берингии» каждую весну. А отца в последние годы его жизни Рита забрала к себе в Оссору. Потомственному камчатскому оленеводу 12 марта 2013-го года исполнилось бы 84 года, но, увы, два года назад Аркадия Борисовича не стало... А ведь без его одобрения Маргарита, наверное, не решилась бы выставить на старт «Берингии» упряжку. «Попробуй, Кока!» – сказал он тогда. А когда она заняла шестое место, немногословный отец скупо приветствовал ее на финише: «Молодец, Кока!». С тех пор старик встречал ее на финише ежегодно. Его совет, одобрение или осуждение важны были для большой Маргариты также, как когда-то были важны для маленького сорванца по имени Кока. Она и сейчас мысленно советуется с ним...

Кстати, Маргарита Байшуакова – профессиональная спортсменка. Вместе с известной камчатской лыжницей Мариной Мишкиной тренировалась она у Павла Дмитриевича Тихоступа (тоже теперь уже ушел в мир иной). Только вот спортивная карьера не сложилась: уехала в Магадан учиться на ветеринарного фельдшера, там влюбилась, выскочила замуж, – тут уж не до беговых лыж. Тем более, что супруг увез Маргариту в Казахстан. Какие лыжи в жаркой стране да в мусульманской семье?

Эвенские корни

Кочевая жизнь Маргариты, хоть она и чистокровная эвенка, обрушилась на девочку не по доброй воле: сначала умерла мама, а потом новую семью вместе со всеми звенами переселили из Тваяна в село Быстрое, на реке Камчатке. А Тваян закрыли. Потом советская власть закрыла и «неперспективное» село Быстрое и эвены со всем своим скарбом переехали в Эссо...

А после сорока эвенская кровь, кровь кочевого народа, что из года в год, из поколения в поколение вот уже 200 лет путешествует по Камчатке, не дает Маргарите покоя. Не может она сидеть на месте, – дома крутится по хозяйству, не давая себе ни минуты отдыха. Отец ее говорил, что с возрастом Рита все больше становится похожей на родную мать, – та такая же непоседа была. С приближением старта «Берингии» кровь буквально кипит в ее жилах, зовет в путь, в тундру – точно также этот зов предков выводит на трассу традиционной камчатской гонки коряков, ительменов и чукчей, которые с нетерпением ждут весну и старта «Берингии».

Кстати, собачью упряжку Маргарита видела только в раннем детстве, когда ее старый дед Борис Степанович Адуканов приезжал из Лаучана в село Быстрое на реке Камчатке и катал ее с сестрами. Потом дед умер, и упряжка ушла из ее жизни, казалось, безвозвратно, как чуть не исчезла она и из жизни северных народов, уничтожаемая советской властью...

К счастью, собачья упряжка на Камчатке возродилась. И вернула ее к жизни именно «Берингия». Теперь даже у Маргариты СВОЯ упряжка, такая же, как у Павла Ичанги, или у Андрея Притчина, или Николая Левковского, а не собранная «с бору по сосенке» у добрых соседей.

Для нескольких собачек Маргариты Байшуаковой «Берингия-2013» – первая. От того, как пройдут они трассу в этом году, зависит, какая упряжка получится в будущем у отважной эвенки. Но друзья каюры уверены: Рита – человек добрый и разумный, собачек сумеет сберечь и научить. Может, она и не займет в этом году призового места, но и последней не станет. Хотя теперь, почуяв в ней достойного соперника, камчатские каюры все осторожнее делятся с женщиной своими секретами. «Информацию про упряжки собираю по крупице,- говорит Маргарита. – Ох, как же мало я знаю про собак! Хоть не первый раз иду на «Берингию», еще столько предстоит узнать! А любой проигрыш – только на пользу. Я становлюсь умнее и опытней.

Маргарита первая и вторая

На празднике «Берингии» всегда много народу – но в пестрой многоязычной толпе Маргарита всегда видит другую Маргариту – девушку, которую назвали в ее честь. Эту девочку принимала во время родов акушерка Рита Байшуакова (урожденная Адуканова) у своей односельчанки. Теперь взрослая уже Маргарита Черканова провожает свою повитуху в дальний путь.

Семейная жизнь в Казахстане не сложилась и Маргарита Байшуакова, прихватив с собой самое дорогое – дочку Айгуль – вернулась на Камчатку, в Эссо. Фамилию на родовую менять не стала – дочка-то Байшуакова, так пусть не задают вопросов. Да и какая разница! Хоть горшком назови, только в печь не сажай, – смеется Рита.

Отчий дом принял с распростертыми объятиями, однако ж работа нашлась не самая лучшая: санитаркой в больнице. Вот тогда мудрая вторая мама посоветовала: «Что ж ты, так и будешь всю жизнь тряпкой махать? Отправляйся-ка учиться!» Так Рита получила профессию фельдшера и ставку акушерки в Эссо. Сколько новорожденных она приняла у односельчанок – не считала. Работала себе, да работала. Вернулась к беговым лыжам – снова стала участвовать в соревнованиях. А затем влюбилась и в 1991 году укатила в Оссору – за мужем. Там родила вторую дочку – Варвару (девочка сейчас учится в Петропавловске-Камчатском в институте). Да так и прижилась эвенка Рита Адуканова в многонациональном поселке на берегу Карагинского залива, тем более что к доброй, отзывчивой Рите люди сами тянутся.

Нас мама учила: «Делись хорошим, тебе потом тоже придет!» – говорит Рита. – Это вообще правило эвенское, но оно в жизни всем нужно».

Есть у Маргариты один небольшой комплекс, который ей никак не удается преодолеть. Она считает себя некрасивой: роста маленького, плечи широкие – ругает она себя. А люди, – все, кто ее знает, – любуются отважной эвенкой, стремясь хотя бы постоять рядом с маленькой очаровательной женщиной, увидеть ее добрую улыбку, и если можно, с благодарностью ее обнять. Ее благодарят уже только за то, что она есть: очаровательная женщина-каюр камчатской «Берингии». Да просто за то, что она – женщина.

Вера Ступникова

Адуканов П.В. Председатель Быстринского райисполкома

Майя Адуканова-Ломовцева , одна из создательниц (вместе с Натальей Григорьевой) национального эвенского ансамбля «Нулгур». Худ. Санакоев В.В.

Маргарита Байшуакова с отцом Аркадием Адукановым, финиш «Берингии» в Оссоре

Адуканов Сергей, солист национального ансамбля «Нулгур» (из архива В. Кравченко)

Мастер-косторез Адуканов Андрей Константинович (Эссо, из архива В. Кравченко)

Многие из Адукановых прославили свою фамилию мирным трудом, но когда над Родиной нависла смертельная опасность, орочи Адукановы приняли самое непосредственное участие в боевых действиях на Западном и Дальневосточном фронтах страны.

Рядовой Сергей Алексеевич Адуканов (1920 г.р.) из с. Анавгай погиб 28 ноября 1941 года защищая Ленинград, похоронен г. Колпино, ул. Колпинская, городское кладбище, воинский участок.

Наводчик 5 батареи 2 дивизиона 88 гаубичной артиллерийской бригады 13 артидивизии Адуканов Михаил Иннокентьевич (1917 г.р.), 23 июля 1943 года «за образцовое выполнение задания командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» награжден медалью «За отвагу».

АЛЕКСАНДРОВЫ

И в этом случае информация у нас более чем скудная: Александровы, камчадалы, с. Белоголовое, 1893 г. Вполне возможно, что их крестным, который оставил свою фамилию, был казак Алексей Александровых, служивший в эти годы на Камчатке. Других версий у нас пока нет.

АЛЕКСЕЕВСКИЕ

По материалам Исповедальных росписей камчатских церквей за 1893 год мы имеем следующую информацию: Алексеевский Федот Афанасьевич — крестьянин селения Николаевского, 29 лет. Жена Ольга Дмитриевна (25). Дети: Ксения (5), Николай (4), Василий (1). Двоюродные его сестра и брат Алексеевские: Ирина (23), Улита (19), Устин Ильич (13).

Алексеевские, вероятно, новопоселенцы из той группы крестьян с. Николаевского, которые прибыли на Камчатку при губернаторе В. Завойко.

Алексеевские. Николай Федотович, Лукерья Павловна, Николай Николаевич (сын)

АНИСИМОВЫ

Тигильские казаки. В «Исповедальной росписи Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г.», хранящейся в Государственном архиве Камчатского края, записаны: Анисимова Неонила Павловна, вдова казака, 38 лет. Сыновья: Григорий (15), Иван (12).

А также Анисимов Григорий, 76 лет. Жил в семье отставного казака Косыгина Луки Ивановича (жена Дарья Григорьевна), вероятно, это тесть Луки Ивановича.

В том же году в Тигиле жил Михаил (отчество не указано) Анисимов, кантонист, 18 лет.

Других сведений пока нет.

Анисимов

Но появилась на полуострове совершенно новая ветвь Анисимовых, являющихся представителями коренных малочисленных народов Севера. Речь пойдет об Анисимове Эдуарде Павловиче, который с 2011 года возглавляет Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера Елизовского района «Авача».

Э.П. Анисимов родился 20 мая 1941 года в п. Цыпанда Аяно-Майского района Хабаровского края. По национальности эвенк.

«Своих родителей не помню, — пишет он в своей автобиографии, — они меня не воспитывали, я их вовсе не знаю, даже их на фотографии не видел, воспитывался в детдоме порт Маю Хабаровского края.

В 1960 году призвался в армию и попал на Камчатку, в 1963 году демобилизовался и остался на Камчатке, работал во многих предприятиях Камчатской области. В 1996 году ушел на пенсию по достижению возраста. С 1996 года по настоящее время занимаюсь общественной деятельностью.

В 1966 году женился на Вере Дмитриевне и до сих пор живем вместе, воспитали двоих детей — сына Олега с 1966 г. и дочь Оксану с 1971 года рождения. А сейчас помогаем воспитывать внуков: четыре внука, одна внучка и еще имеется правнук Даниил».

АНТОНОВЫ

В дореволюционных поселках камчадалов эта фамилия встречалась только в селе Апаче, которое некоторые исследователи называют северной окраиной Курильской землицы (правда, есть упоминание об Антонове ??? (так как имя и отчество написаны очень неразборчиво) — жителе с. Ича в 1838 г.), но других данных больше нет (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 145).

Фамилия досталась камчадалам при крещении, вероятно, от большерецких казаков Антоновых, так как Апачинский (Опачинский) острожек относился к Большерецкому присуду, а как известно в составе группы Академического отряда, руководимая Стеллером и дислоцировавшаяся в Большерецком остроге, помимо студентов С.П. Крашенинникова и А.П Горланова, живописца И.Х. Беркгана, входили

иноземцов – противников побивают. А те остожки сделаны земляные, и к тем руские люди приступают и розрывают землю кольем, а иноземцам на остог взойтить – из пищалей не допустят.

А по другую сторону той Камчадальской земли на море зимою льду не бывает, только от Пенжи(ны) реки до Кыгылу на берегах лед бывает небольшой, а от Кыгылу вдаль ничего льду не бывает. А от Кыгыла реки до устья ходу бывает скорым ходом пешком, до Камчатки реки, через камень, в 3-й и в 4-й день. А Камчаткою на низ плыть в лотке до моря 4 дни. А подле моря медведей и волков много.

А против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть, а на тех островах городы каменные и живут люди, а какие – про то иноземцы сказать не умеют. А с тех де островов к Курильским иноземцом приходит ценинная посуда и платье даб полосатых и пестрых китаек и лензовые азямы. И сказывали те курильские иноземцы, что де тое посуду и одежду дают им даром, а ни на что не покупают. А на чом с тех островов к курилам приходят – того иноземцы сказать не умеют.

Да иноземцы ж сказывали, что в Камчадальской стороне повыше Камчатки (реки) к Каланской Бобровой реке приходят по вся годы бусы и берут у иноземцов нерпичей и каланской жир а к ним что на бусах привозят ли – неведомо.

А в море бывают киты великие, нерпа, каланы, и те каланы выходят на берег по большой воде, и как вода убудет – каланы остаются па земле и их копьями колют и по носу палками Бьют, а бежать те каланы не могут потому что ноги у них самые малые, а береги деревяные (sic!.. каменистые?..), крепкие.

А Амур река далеко ль – про то он не ведает.

А у Пенжинских иноземцов для морского ходу бывают вместо лодок байдары – сшиты из нерпичей кожи, в длину сажень 6, и поперег сажени 11/2, и в средине ставят деревянные распорки и решетки, и в тех байдарах человек по 30 и но 40 на море плавают для нерпичего и жирового промыслу, а далеко ль на море в тех байдарах выходят – про то он не ведает. А у камчадалов бывают лодки, которые поднимают человек по 10 и по 20-ти, а иных судов не видали. А у курилов никаких судов к водному ходу не видал, для того что был зимним временем.

А в Камчадальской и в Курильской земле хлеб пахать мочно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают.

А руды серебряные и иные какие есть ли – того не ведает, и руд никаких не знает.

А полоненик, котораго на бусе морем принесло, каким языком говорит – того не ведает. А подобием кабы гречанин: сухощав, ус невелик, волосом черн. А как увидел у русских людей образ Божий – зело плакал и говорил, что и у них такие образы есть же. А с ними говорил тот полоненик иное поруски, для того что жил он с ним Володимером 2 годы, а иное говорил через толмачь по корятцкому языку, для того что у иноземцов жил он до него Володимера два ж годы. А сказывался индейцом, и золота де у них родится много, и палаты ценинные, а у царя де индейского палаты сребряные и вызолочены.

А у Курильских иноземцов взял он Володимер сребряную копейку, весом блиско золотника, а полоненик называл ее индейскою копейкою. А соболей и никакова зверя у них не употребляют. А одежду носят тканую, всяких парчей,стежную на бумаге хлопчатой.

И тот полоненик шел с ним Володимером на лыжах от Анандырского зимовья 6 дней, и стали у него ноги пухнуть и заскорбел, и затем поворотил ево назад в Анандырское зимовье, и буде он оздоровеет, то он с русскими людьми в Якутцкой выйдет. А нравом тот полоненик гораздо вежлив и разумен.

Да он же Володимер вез с собою камчадальского князца к Москве, для подлинного о той земле уведомления, и тот иноземец говорил поруску, и в Кайгородцком уезде воспою умер.

А у сибирских иноземцов у всех учливости никакой нет – люди худые, чистоты никакой не имеют».

камчатские служилые А. Данилов, О. Аргунов, Ф. Лепехин и П. Антонов.

Карл Дитмар в своей книге «Поездки и пребывание на Камчатке в 1851 — 1855 гг.», часть 1, СПб, 1901 г. оставил нам свое выпечатление о селе (стр. 565): «9 домов, большею частью порядочно построенных, составляющих селение Апачу, расположены на правом берегу р. Начики, верстах в 40 выше Большерецка.

…Жители селения Апача принадлежат еще к Курильским камчадалам западного берега, как самая восточная отрасль последних и поддерживают с ними постоянные сношения. Обыватели, 39 мужчин и 26 женщин, живут повидимому в благосостоянии. У них 40 коров, зато лошадь всего одна, огородничество развито даже настолько, что избыток продуктов сбывается в Петропавловский порт».

А В.Л. Комаров, спустя полвека писал, в своих «Путешествиях…. (Избранные сочинения, изд. АН СССР, М-Л, 1950, т.6, часть) на стр. 149 (где он также сообщал, что старостой села Апача в это время был Панов): «Из разговоров в Апаче мы узнали, что жители ее особенно охотно ездят на промыслы к Опальской сопке».

«Каюкова речка течет с хребта и впадает в Начику справа повыше перевоза по тракту. Она «кормит» Апачу, так как на ней самый большой осенний промысел кижучей.

И в Апаче есть свои приписные переселенцы, оставшиеся здесь из партии рабочих, приведенных в Камчатку золотопромышленником Локотковым.Один из них живет в работниках, другой женился на дочери местного лавочника и устроился собственным зажиточным домом».

Камчадалы Антоновы представляли собой довольно большой род, только в обороне Камчатки в русско-японскую войну Антоновы выставили нескольких дружинников — Аверкия, Алексея, Василия, Данилу, Федора.

О том, как воевал Василий Антонов, сохранились архивные материалы, которые мне удалось разыскать в Центральном государственном архиве Дальнего Востока РСФСР (они опубликованы в очерке «Хроника неоконченной войны»).

Когда мы попытались найти родословные героев обороны Камчатки, то столкнулись с такими вот трудностями: в Апаче, откуда родом камчадалы Антоновы, в 1893 году проживали Алексий 1-й (36) и Алексий 2-й (30), братья Трифона Федоровича Антонова. У Алексия 2-го Федоровича были сыновья Аверкий

(14) и Федор (10). У Антонова Иосифа Даниловича был сын Василий (12), у его брата Матвея Даниловича сын Даниил (10). Это, по всей видимости, и есть герои обороны Камчатки, потомки которых и по сей день живут на полуострове.

Сохранились в истории сведения еще об одном интересном представителе этого рода — Антонове Дормидонте Иннокентьевиче, который был в 1905 г. награжден серебрянной медалью «За заботы об Апачинской школе и за прекрасное ея состояние» (ЦГА ДФ РФ, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

Сохранились сведения о детях Дормидонта Иннокентьевича: в 1893 году у него были Петр (18 лет), Инннокентий (7), Николай (2), Мария (5), 4 мая 1894 года родился Исай Дормидонтович.

В Книге памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны, мы также находим фамилии Антоновых:

Антонов Алексей Васильевич, гвардии младший сержант, 1919 г. р., служил в Нежинской механизированной бригаде, погиб 1 сентября 1943 года, захоронен в д. Светово Курской области.

Антонов Андрей Тимофеевич, курсант, 1923 г. р., погиб 13 апреля 1943 г., захоронен на х. Дубровка Снежнянского района Волгоградской области.

Антонов Григорий Алексеевич, 1909 г. р., погиб 18 августа 1945 года на острове Шумшу, где и захоронен.

Интересное письмо пришло на сайт «Камчадалы.ру» от Илоны: *«Здравствуйте! Моя бабушка Таисия Дормидонтовна Антонова 18 августа 1918г.р. (по паспорту 1916 г.р.) со слов знаем, что она была приемной дочерью. В 4 года осталась сиротой, жила в семье Ворошиловых (имен не знаю). Хотелось бы установить изначальную фамилию бабушки. Знаем,что ее мать похоронена в с.Апачи. Настоящий отец Рябиков Илларион (она внебрачная дочь)С уважением, Илона».*

И вот еще одно интересное сообщение: *«Давно хочу узнать все о Рябикове И.В. Как оказалось, он мой родственник по отцовской линии. Нашли у отца только несколько фотографий Иллариона Васильевича. Так интересно было бы проследить, кем я ему прихожусь. Моего отца звали Колпаков Василий Георгиевич 21.11.1941 г.р.».*

Илларион Васильевич «родился в 1892 г. в семье железнодорожного рабочего на ст. Борзя Забайкальской железной дороги. Окончил Иркутское техническое училище. На Камчатку приехал в 1910 г., участвовал в строительстве телеграфной линии Петропавловск-Камчатский - Большерецк. По окончании строительства остался работать в Большерецке. Затем переехал в Тигиль. Работал начальником почтового отделения. Организовал Тигильский кооператив, был его председателем. Выпускал небольшую газету в нескольких экземплярах, был в числе немногих фотографов на Камчатке. 3 июня 1917 г. И. В. Рябиков женился на Марии Дюпиной, в метрической книге о бракосочетавшихся указывается: младший механик Приамурского почтового округа Илларион Васильевич Рябиков православного вероисповедания, первым браком, 26 лет, бракосочетается с дочерью чиновника Тигильской почтово-телеграфной конторы Стефана Афанасьевича Дюпина девицей Марией Стефановой, православного вероисповедания, первым браком. Брак совершал приходский священник Николай Мирошкин с псаломщиком Александром Логиновым.

В семье Иллариона Васильевича и его жены Марии Степановны было 2 детей: Вера, родившаяся 3 июля 1918 г., и Игорь - 24 апреля 1920 г. р.

И. В. Рябиков - активный участник установления Советской власти, делегат от Хайрюзовской волости и председатель Второго уездного съезда Советов (1922 г.). После гибели мужа в сентябре 1922 г. М. С. Рябикова некоторое время работала в почтово-телеграфном отделении Утхолока, затем переехала в Петропавловск». Здесь она вышла замуж за партизана Охапкина».

http://www.kamlib.ru/resourses/borisov_28.htm

АРЕФЬЕВЫ (ОРЕФЬЕВЫ)

Эта фамилия появляется среди коренного населения Камчатки примерно в одно и то же время, но совершенно в разных местах — в центральной части полуострова и на северо-западе: в 1745 г. она зафиксирована в Камаковском острожке, в 1748 г. в Напанском, в 1750 г. опять в Камаковском.

Арефьев Вячеслав Николаевич

В 1893 году, по данным Исповедальных росписей, эта фамилия встречается в с. Напана и Еловка.

А причина появления этой фамилии у аборигенов очень проста — в проповеднической свите архимандрита камчатского Иоасафа Хотунцевского был драгун Арефьев (Орефьев), который и оставил камчадалам и корякам свое имя.

Атласов. Портрет работы художника ...

АСТАФЬЕВЫ (ЕВСТАФЬЕВЫ)

Впервые мы встретились с этой фамилией в списках участников народного ополчения Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг.: Иван Астафьев (Большерецкая дружина), с. Голыгино. Только на самом деле это был не Астафьев, а Евстафьев (см. Евстафьевы).

АТЛАСОВЫ

Информация о Камчатском Ермаке, фамилия которого и по сей день сохраняется на Камчатке, самая противоречивая. На форуме сайта «Камчадалы.ру» мы отобрали эту статью, которая, на наш взгляд, наиболее соответствует нашему представлению об Атласове (хотя лучше всего обратиться к двухтомнику Б. П. Полевого — «Новое об открытии Камчатки», ч. 2, Петропавловск-Камчатский, 1997 г.): «Он происходил из устюжской крестьянской семьи, которую нужда заставила переселиться за Урал. Выросший на Дальнем Востоке, проведший молодые годы в скитаниях по диким сибирским тундрам в обществе казаков-землепроходцев, Атласов был типичнейшим представителем тех людей, которые всю жизнь проводили в борьбе с сибирской природой и дикими инородцами. Железная энергия, предприимчивость, беззаветная удаль, необыкновенная выносливость с одной стороны, страсть к наживе, жестокость и отсутствие каких бы то ни было нравственных принципов с другой — вот черты, из которых складывался характер Атласова. Кроме того, он обладал недюжинным природным умом и был грамотен, что в те времена, да еще на сибирской окраине, было редкостью.

В 1672 году он был поверстан на государеву службу в Якутске и затем более 20 лет провел “в дальних заморских службах”, которые исполнял, по его собственным словам, “со всяким чистосердечием”. Вероятно, во время этих дальних служб он и ознакомился с краем, лежащим к северу от Камчатки и бывшим тогда уже в русских руках; тогда же узнал он про существование самого полуострова, и у него зародилась мысль завладеть этой землей.

В 1695 году Атласов был уже казачьим пятидесятником, и якутский воевода Мих. Аф. Арсеньев назначил его приказчиком в Анадырский острог как человека бывалого и знающего край. Атласов, еще не выезжая из Якутска, стал готовиться к камчатскому походу. Он занял у подьячего Ивана Харитонова 160 рублей, купил на эти деньги порох, свинец и другие необходимые запасы и роздал их своим людям безденежно. Затем он занял еще пороху и свинцу у торгового человека Михаила Остафьева “в кабалу на 120 лисиц красных”, и это тоже роздал служилым людям, которые впоследствии платили ему за эти запасы “собольми своего промыслу”. Таким образом, в камчатском походе Атласову принадлежала не только самая идея, но и затраты по предприятию и весь риск.

Приехав в Анадырск в последних числах августа, Атласов немедленно приступил к выполнению своего плана: в 1696 году он послал казака Морозка с 16 товарищами собрать ясак с коряков, живущих по р. Апуке, и вместе с тем разведать про пути в Камчатку. Морозко проник далеко на юг, погромил один камчадальский острог на реке Тигиле,

собрал достоверные сведения о Камчатке и узнал, что за ней есть еще целая гряда островов.

Тогда Атласов, собрав в 1696 году ясак с Анадырских юкагиров и отослав его в Якутск, двинулся осенью на Камчатку “на службу великого государя для прииску новых землиц и для призыву под самодержавную великого государя высокую руку вновь неясачных людей, которые под царскою высокосамодержавною рукою в ясачном платеже не бывали”. Атласов взял с собой 60 служилых и промышленных людей да 60 анадырских ясачных юкагиров для соболиного промыслу. Через 2 недели отряд дошел до Пенжинской губы и “ласково и приветом” взял ясак с живших тут коряков, затем двинулся “в камчатцкой нос” и, обложив ясаком встретившиеся на пути олюторские юрты, разделил свой отряд на две равные части: сам Атласов пошел по западному берегу Камчатки, а Луке Морозку приказал идти по восточному. В это время произошло возмущение юкагиров, которые осадили Анадырский острог, но неудачно. Шедшие с Атласовым юкагиры тоже взбунтовались на реке Палане, 3 казаков убили и 15 ранили, в том числе и самого Атласова (“во три местех”). Тогда Атласов велел Морозку вернуться к себе, и общими силами они усмирили юкагиров. Обложив ясаком, отчасти лаской, отчасти насилием, все встречные коряцкие и камчадальские острожки, Атласов, по челобитью своих подчиненных, двинулся на реку Камчатку и нашел тут большие инородческие поселения. Здешние камчадалы распадались на несколько враждебных друг другу родов, и Атласов умело воспользовался этим: обещанием помощи привлек на свою сторону некоторые поселения и при их поддержке завладел и остальными.

Двинувшись с реки Камчатки далее на юг, Атласов был опять задержан: оленные коряки хотели украсть его оленей “для того, чтоб им, Володимеру с товарищи, великому государю служить было не на чем”. Атласов погнался за ними и настиг их у Пенжинского моря. “Бились день и ночь, и Божиею милостию и государевым счастием их коряк человек ста с полтора избили и олени отбили”. Двинувшись далее, Атласов нашел у камчадалов на Нане узакинского (т. е. японского) пленника, собрал у него некоторые сведения об Японии и взял его с собой. Налагая ясак на коряков, камчадалов и курильцев, Атласов достиг реки Каланской (теперь Голыгина), т. е. не дошел до Лопатки всего 5 дней на пути. Оттуда он вернулся назад. На реке Иче пали у него все олени, ехать в Анадырск было не на чем, и Атласов принужден был тут перезимовать.

Тогда же на реке Камчатке был поставлен Верхнекамчатский острог, в который Атласов отрядил Потапа Серюкова с 15 казаками и 13 юкагирами. Повинуясь челобитью остальных своих подчиненных, Атласов повел их в Анадырский острог, поставив перед уходом при впадении Кануч и (Крестовая) в Камчатку крест с надписью: “205 году, июля 13 дня, поставил сей крест пятидесятник Владимир Атласов с товарищи, 55 человек”. Этот крест видел еще Крашенинников. Из Анадырска Атласов с ясачною казною, служилыми людьми и узакинским полоненником пошел на лыжах в Якутск. Но полоненник по дороге “ногами заскорбел” и вернулся в Анадырск, а Атласов с ясаком благополучно прибыл в Якутск в середине 1700 года и подал там “скаску” о камчатском походе и о собранном ясаке, который был не особенно велик, так как инородцы “в ясаке упрашиваютца до осени”, говоря, что у них лишних мехов не запасено.

Якутский воевода Дорофей Афан. Траурнихт послал покорителя Камчатки с собранным ясаком в Москву, куда Атласов поспел к началу февраля 1701 года; 10 числа того же месяца он подал в Сибирский Приказ “скаску” о своих подвигах, а 15 — собственноручно челобитную Петру I с просьбой назначить его “в Якуцком у казаков казачьим головою”. 19 февраля Атласов послал вторую челобитную. В ней он просил возвратить ему 11 сороков соболей, которые собраны были им со своих

подчиненных за припасы, а в Москве взяты в казну, так как в 1697 году вышло запрещение частным лицам приобретать в Сибири рухлядь для продажи.

Обе просьбы были уважены: Атласов назначен казацким головою с жалованьем по 10 рублей в год деньгами да по 7 четвертей ржи и овса и по 3 пуда соли, а за соболей велено дать ему 100 рублей да товаров на столько же, так как запретительный указ вышел уже после выступления Атласова на Камчатку. 22 февраля он подает третью челобитную, в которой просит государя пожаловать его за службы и за новоприисканные землицы, “как тебе обо мне Бог известит”.

Петр приказывает дать ему еще 100 рублей и на столько же товаров за то, что приискал вновь многих неясачных людей и собрал с них ясак, да и для того, чтобы он и впредь в той камчадальской земле о приску вновь иных иноземцов наипаче прежнего постарался. В ответ на это увещание, Атласов предложил свой план второго камчатского похода с целью окончательного покорения страны. По его мнению, надо было дать ему 100 казачьих детей: 50 из Тобольска да 50 из Енисейска и Якутска; если не хватит казачьих детей, то брать и промышленных людей — охотников и в неволю; затем надо дать 100 пищалей, 4 малые пушки, пороху 10 пудов и свинцу на пули столько же, 500 железных ядер, 5 пудов фитиля, знамя полковое, барабанщика и сиповщика, да на подарки инородцам пуд бисеру лазоревого да 100 ножей. Со всеми этими предложениями Атласова в Москве согласились и послали в Сибирь воеводам соответствующие приказы. Атласов поехал в Якутск, но по дороге, на реке Тунгуске, ограбил дощаник с китайскими товарами, принадлежавшими гостю Логину Добрынину. Приказчик этого гостя в Якутске бил челом на Атласова, и его с 10 главными сообщниками посадили в тюрьму, где он и просидел до 1706 года.

Между тем на Камчатке и возле Анадырского острога происходили постоянные бунты инородцев и, по-видимому, начиналось волнение среди казаков. Тогда вспомнили про Атласова и отправили его на Камчатку приказчиком, предоставив ему полную власть над служилыми людьми, и виновных, смотря по делу, батогами и кнутом наказывать; а велено ему прежнюю свою вину, что учинил разбой, заслужить и в приискивании вновь земель и неясашных людей оказать крайнюю ревность, обид и налогов никому не чинить и против иноземцов не употреблять строгости, когда можно будет обойтись лаской; в противном случае ему грозили смертной казнью. Атласов злоупотребил своей властью: еще не доехав до Анадырска, он своей жестокостью вооружил против себя всех казаков, и те послали на него в Якутск челобитные. Однако он благополучно доехал до Камчатки в 1707 году и в августе того же года отправил на восточный берег полуострова Ивана Таратина с 70 казаками для усмирения инородцев, избивших ясачных сборщиков.

Таратин успешно исполнил поручение и 27 ноября вернулся в Верхнекамчатский острог. Между тем недовольство казаков на Атласова все росло. Раздражаемые его жестокостью и поджигаемые Анцыферовым и Козыревским, которые замыслили устроить на Камчатке вольную казачью шайку, служилые люди в декабре 1707 года лишили Атласова команды и посадили его в тюрьму, а в Якутск дали знать, что к такому поступку они вынуждены были жестокостью Атласова, его грабежами, тем, что он камчадалов к бунту подговаривал и государев ясак себе брал. Из Якутска прислали тогда приказчиком Чирикова и велели ему разобрать дело Атласова, который тем временем успел бежать из тюрьмы в Нижнекамчатский острог.

Чириков не успел еще справиться со всеми предстоявшими ему на Камчатке делами, как уже на смену ему послан был Миронов, так что в краю очутилось сразу 3 приказчика (Атласов формально не был лишен власти). Смутное брожение среди казаков скоро прорвалось в виде бунта против приказчиков: Миронова зарезали, Чирикова утопили, а 31 человек поехали в Нижнекамчатский острог покончить с Атласовым. Не доезжая 1/2 версты до острога, они остановились и в острог послали трех человек с письмом к Атласову, приказав им убить его, когда он станет читать это письмо; но посланные застали его спящего и зарезали 1 февраля 1711 года. Следствие, произведенное по поводу этих убийств, обнаружило, что причиной их было желание служилых стать вольными казаками, с одной стороны, и поживиться на счет своих приказчиков — с другой. В бунте оказались замешаны и духовные лица: так, архимандрит Мартиан при дележе добычи получил шубу из собольих лапок да дворовую девку Атласова — Настасью».

Не менее противоречива и история происхождения этой камчатской фамилии, так как многие из ее носителей считают себя прямыми потомками Владимира Владимировича Атласова, сына Отласа.

Семейная легенда камчадалов Атласовых из с. Шаромы

Атласов Иван Каллистович. Камчадал из села Шаромы. Участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Облуковинская дружина). 22 октября 1903 года сочетался первым браком в возрасте 23 лет с дочерью крестьянина Верхнекамчатского селения Верещагина Филарета девицей Акилиной 16 лет.

«Наш дедушка Иван Каллистович Атласов был потомком Владимира Атласова, осваивавшего во главе казаков из Якутска нашу Камчатку. Отец его – Иван Каллистович – еще участвовал в обороне Петропавловска в 1854 году в рядах народного ополчения. Сам же Иван Каллистович был ополченцем против японцев в 1904 году. В мирное время они, как и всякие камчадалы, охотились и рыбачили. В 1922 году Иван Каллистович был проводником в партизанском отряде Трошина, организованном Илларионом Рябиковым. А в начале тридцатых годов Иван Каллистович стал первым председателем колхоза “Новая деревня” в Шаромах. Умер он уже в Ганалах в 1946 году. Его жена Акулина Филаретовна Нечаева. Тоже камчадалка. У них было десять детей. Один из них – Иннокентий Иванович Атласов – наш отец. Год рождения: 1925. Служил на действительной военной службе. После демобилизации работал в колхозе им. Крупской сопровождающим почты, в колхозе им. 1 мая, т. к. он женился на Елене Ивановне Абакумовой – дочери И. П. Абакумова, жившей в Малках и работавшей в колхозе. Умер И. И. Атласов в 1958 году. Елена Ивановна Атласова жива и активно трудится, восстанавливая Малки. Мы их дети: Атласов Иван Иннокентьевич – 1952 г.

Слева Абакумова Елена Ивановна, в замужестве Атласова, с сыном. В центре Чегликов – «Семеныч» — держит на руках свою любимицу Галю Абакумову. Справа – Болдырева Вероника Вячеславовна (жена брата Елены Ивановны – Николая Ивановича Аббакумова), рядом Андрей и на руках Тамара Аббакумовы

Атласов Михаил Иннокентьевич – 1956 г. Атласов Петр Иннокентьевич – 1958 г. 28.12.1993 г.». (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1903 г., ГАКК.).

С камчадалами Атласовыми более или менее все понятно: они получили свою фамилию в честь Владимира Владимировича Атласова или их крестным отцом был его сын Иван Владимирович Атласов, который служил в то время на Камчатке (как, например, тойон Купха — после крещения Иван Атласов). В основном фамилия эта была распространена на западном побережье (история появления: в 1745 г. — в Крутогорово, Облуковиной, Морошечной, в 1748 г. — в Оглукоминой (Облуковиной), в 1749 г. — в Крутогорово, Иче), возможно, что в долине реки Камчатка (в с. Шаромы) она появилась в связи с переселением сюда западнокамчастких камчадалов после опустошительных эпидемий в во второй половине XVIII — начале XIX веков.

Кстати, камчадалы Атласовы продолжили землепроходческий подвиг Владимира Владимировича: Атласов (Отласов) Василей, камчадал, был участником зверобойного промысла на Алеутских островах на судне купцов Кульковых и событий на о. Уналашка 1765 года, когда из 170 промышленников с четырех судов в живых осталось 13 человек — семь русских и шесть камчадалов. Василий, как раз был в числе оставшихся и был принят впоследствии на судно Степана Глотова (вместе с камчадалами Петром Коростелевым и Федором Усовым), и вернулся на родину.

То есть, повторим, с камчадальской фамилией Атласовых все более или менее ясно и Каллистовичи — это крестные дети и внуки казаков Атласовых.

Не ясно, как быть с другими Атласовыми, которые, может быть, никогда Камчатку и не покидали, а верно несли службу России в тех местах, где им определено было служить Родине. И не являются ли они потомками Ивана Владимировича Атласова?

В 1893 г. мы находим несколько русских семей Атласовых на Камчатке.

Атласов Спиридон Васильевич — с. Сероглазка, мещанин, 1893 г., 28 лет. Жена Мелания Дмитриевна (26). Дети: Василий (4), Анна (1). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Атласов Михаил Васильевич — с. Николаевское, крестьянин, 1893 г., 33 года. Жена Евфимия Митрофановна. Дочь его от 1-го брака Фекла (9). Ее дети от первого брака: Евдокия (12) и Кирилл Кириллович (2).

Пасынок ее Поротов Иван Кириллович (16). Дамиан Васильевич Атласов (32 года). Жена его Евдокия Григорьевна (24). Дочь их Елена (4). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Вряд ли является совпадением, что оба Атласовых, оба Васильевичи и примерно одного и того же года. Скорее всего, это родные братья.

В 1812 году в Нижнекамчатске служил унтер-офицер, писарь Семен Никитич Атласов, 30 лет. Вполне возможно, что с переносом столичной канцелярии из Нижнекамчатска в Петропавловский порт Семен Никитич с семьей (если она у него впоследствии была) переехал туда же с переходом в мещанское сословие. А родом Семен Никитич мог быть из казачьих детей, как многие из петропавловских мещан.

У нас имеются факты, когда бывшие военные из Камчатского гарнизонного батальона, желая остаться после службы на Камчатке, были записаны либо в мещане, либо в крестьяне с определением места жительства по собственному усмотрению.

У Спиридона Васильевича Атласова тоже были дети — сын Василий Спиридонович, 1890 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка; русский; образование: 6 отд. Петропавловского городского училища; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Усть-Камчатский р-н, с. Камаки. Арест: 19.06.1934. Осужд. 02.01.1936. Особое совещание при НКВД СССР. Обв. по ст. 58-2 УК РСФСР. Приговор: 5 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 27.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

В «Камчатских персоналиях 1917-1991 гг.» В. Пустовит пишет: «*Атласов Василий Спиридонович* (9.03.1890, с. Сероглазка Петропавловского уезда), *участник свержения советской власти в Петропавловске в июле 1918 г.* Из крестьян-бедняков. Камчадал. Рыбак-охотник, колхозник. В 1909 г. окончил двухклассное городское училище в Петропавловске. Собственность отца в Сероглазке: дом, нарта собак. Сам до 1929 г. имел дом на паях по месту жительства в с. Камаки Усть-Камчатского района. Холост. 9 июня 1933 г. впервые арестован за участие в антисоветском перевороте 1918 г. Меньше чем через месяц освобожден. 19 июня 1934 г. арестован вторично с прежним обвинением. 2 августа 1934 г. прокурор КО Кузьменко вынес постановление о прекращении дела и немедленном освобождении из-под стражи, поскольку следствие не установило его контрреволюционной деятельности «за исключением связи и знакомства с активными членами… организации “Автономная Камчатка”». 2 января 1935 г. ОСО при НКВД СССР приговорило его по ст. 58-2 УК РСФСР к пяти годам концлагерей. Был отправлен в БАМЛАГ после 21 августа 1935 г. Реабилитирован прокуратурой КО 27 июня 1989 г.».

То есть в истории фамилии камчатских старожилов Атласовых еще очень много белых пятен.

И сами Атласовы ищут свои фамильные корни и ответы на многочисленные вопросы, накопившиеся за более чем 300-летний период присоединения Камчатки к России. Предлагаем вниманию читателей очерк моего коллеги, писателя М.Я. Жилина (газета «Камчатский край», 25.05.2011 г.)

АТЛАСОВЫ ИЗ РОДА АТЛАСОВА

– Познакомьтесь, Атласов Евгений Иванович, – знакомые представили нас друг другу.

Чуть улыбнувшись, он протянул руку. Перед нами стоял человек крупного телосложения. «Наверно, таким же сильным был и его предок, казачий атаман Владимир Атласов», – мелькнула мысль.

Начавшийся разговор продолжить не удалось. Евгения Ивановича позвали на процедуры. Он проходил курс лечения на Тимоновских целебных ключах в верховье Средней Авачи.

Художника Артура Ковалева и меня доставил сюда на вертолете Анатолий Георгиевич Коваленков, руководитель авиационно-туристической фирмы. Мы вели подготовительные работы для съемки историко-документального фильма «Камчатский Ермак».

Атласов Евгений Иванович

Атласовские морозы январь 1977 г

Артур намеревался писать портрет великого землепроходца. Я собирал материал для сценария фильма. Знакомство с потомком землепроходца могло дать дополнительный материал для работы над сценарием.

Пока Евгений Иванович принимал лечебные процедуры, мы с Артуром Ковалевым пошли на горячие ключи. От дома-гостиницы и бассейна ключи находятся в получасе ходьбы. Еще издали донесся шум бегущей воды. В узком горном распадке с бешеной скоростью неслась река и, вырываясь из каменного плена, вливалась левым притоком в Среднюю Авачу. По обоим берегам реки выбивались на поверхность горячие источники, образуя небольшие озерца, в которых можно было принимать ванны.

Тимоновские источники многих исцелили от недугов. Евгений Иванович, прослышав о целебной силе горячих ключей, прилетел на Камчатку с Ямала. По профессии он геолог. Много лет работал в геологических экспедициях. Тысячи километров исходил по сибирской тайге и тундре, преодолевая ледяные реки, попадая в экстремальные ситуации. «По молодости казалось все нипочем. Молодой организм все недуги преодолевал. Но со временем стали подводить ноги, – сказал Евгений Иванович. – Побывать на Камчатке хотелось давно. Но геологические маршруты проходили далеко от полуострова. Все дела, дела... Откладывал встречу на будущее. А теперь вот необходимость привела сюда. Ну и, конечно, стремление увидеть землю, которая стала известна людям после похода Владимира Атласова».

Наша встреча состоялась в конце лета. Евгений Иванович побывал в местах, где пролегал маршрут первопроходцев, и улетел к себе на Ямал, где жил и работал. А зимой, снимая в архивах и музеях кадры для фильма, мы оказались в Санкт-Петербурге в гостях у его родителей – Ивана Ивановича и Ираиды Александровны. Даже человеку неискушенному в геологии нетрудно было догадаться о профессии хозяев квартиры. На стеллажах и полках в серванте были разложены разнообразные камни – образцы пород и минералов, отшлифованных и необработанных.

Иван Иванович взял с полки прозрачный камешек. И я вижу, как при соприкосновении с ним в его глазах вспыхивают искорки.

– Это исландский шпат, ценнейший материал. В этом кусочке 3-5 мм кондиционного сырья. В те годы, когда мы открыли это месторождение в Сибири, он использовался в нашей стране в атомных лазерах. Этот минерал обладает очень высоким коэффициентом преломления луча. Перед ним не могут устоять самые крепкие металлы и сплавы. Исландский шпат приобретала у нашей страны Япония, где он использовался при производстве первых телевизоров, потом его заменили поляроиды. Случалось, кристаллы шпата мы обнаруживали величиной до 4-х метров, размером с комнату.

Иван Иванович с отличием окончил Магаданский горный техникум. Затем работал и заочно учился в институте. Участвовал в экспедициях на север Сибири и за полярный круг, где морозы у 70-градусной отметки – частое явление. В Красноярском крае в геологической партии познакомился с Ираидой Александровной, ставшей его женой. Там же, в Сибири, посчастливилось участвовать в открытии ряда месторождений полезных ископаемых.

Иван Иванович показывает один за другим образцы камней: «Этот употребляется в космической технике. Этот – в строительстве, этот – при отделке зданий...»

– А это керамкит – поделочный камень. Открытие его месторождения – на счету жены. Проходя маршрутом в поисках исландского шпата и сопутствующих минералов, она обратила внимание на ноздреватую породу на берегу реки Керамки, что в переводе с эвенкийского означает «трезубец» – место слияния трех ручьев. Когда-то магма при извержении и соприкосновении с водой и песком вспенивалась, а при застывании превращалась в пористый камень, как пемза на Камчатке.

– С 1980-х годов мы участвовали в разведочных работах на нефть и газ, – рассказывает Иван Иванович. – Заочно окончил аспирантуру в Москве при ВНИИ геологоразведки по специальности «Геофизические методы поисков нефтяных и газовых месторождений». Возглавлял Восточно-Сибирскую опытно-методическую геологическую экспедицию. На ее базе в 1990-х годах был создан экологический центр при Министерстве, сфера действия которого распространялась от Тюменской области до Чукотки и Камчатки. Потом и его упразднили, оставив лишь меня консультантом при Министерстве геологии. Друзья шутили: «Единственный консультант в геологии по экологии».

Иван Иванович берет в руки образец друзы кварца.

– Это розовый кварц, он некондиционный, но дорог как память. Друзья подарили на мое 60-летие. Возьмешь в руки – ощущаешь тепло друзей, с которыми столько пройдено в маршрутах...

– С нами в экспедиции с 7-летнего возраста ежегодно уезжал сын Евгений, – вступает в разговор Ираида Александровна. – Естественно, он тоже выбрал профессию геолога. Окончив институт в Ухте, работал в Туруханске, Игарке. Затем перешел в нефтеразведочную экспедицию в Тарко-Сале на Ямале, где стал ведущим, а затем главным геологом.

Начало 1990-х годов – тяжелые для разведчиков недр времена: отмена госзаказа, износ основных фондов, консервация разведанных скважин...

В 1993 году два геологоразведочных предприятия на Ямале создали нефтяную компанию «Янгпур». Генеральным директором ее назначили Евгения Ивановича Атласова. В сложных экономических условиях того времени коллективу удалось не только наращивать объем добычи нефти, но и интенсивно вести поисково-разведочные работы. Было открыто два перспективных месторождения нефти. За короткое время компанию удалось сделать успешным предприятием.

В 2000 году Евгений Иванович побывал на Камчатке и участвовал в восстановлении исторического Креста Атласова в долине реки Камчатки.

К сожалению, тяжелая болезнь ног не позволила Евгению Ивановичу продолжать работу.

Во время беседы в гости пришел еще один Атласов – Арнольд Иванович и выяснилось, что он тоже геолог, как и его отец Иван Паисьевич, и младший брат отца...

– В роду Атласовых много геологов. С чем это связано? – не удержался я от вопроса.

– В 1970 году к нам в геологическую партию в Сибири заехал Владимир Высоцкий. «Аа-а-а, бродяги!.. – приветствовал он нас. И процитировал строки своей песни: «Бродяги бродят в душах наших предков... Ну а тут, я смотрю, и в потомках!» – заметил он, познакомившись с нами. Наверное, в этих словах нужно искать ответ на ваш вопрос, – сказал Иван Иванович. – Бацилла странствий, тяга к неизведанному, очевидно, поселилась у нас в генах еще с древности...

– Наше родовое гнездо – Якутск, – подчеркнул Арнольд Иванович. – И мой отец, и я, и Иван Иванович – мой двоюродный брат, и многие из нашего большого семейства из этого города на вечной мерзлоте. Как и далекий предок – казачий атаман Владимир Атласов.

Разговор переключился на родоначальника геологической династии Ивана Паисьевича. Он ровесник века XX. Был одним из создателей геологической службы в Якутии. Стал доктором геолого-минерологических наук, профессором. Из рассказов, воспоминаний предстала удивительная судьба человека, на долю которого выпала тяжелая ноша – быть первопроходцем в сложное время.

В конце гражданской войны 20-летнего грамотного парня из далекой Якутии направили в Петроград на военно-топографические курсы. Затем два года работал геодезистом-топографом в сибирской тайге. Ко времени поступления на геологический факультет Томского университета он уже обладал практическим опытом. На каникулах уходил с геологами в экспедиции. Неслучайно после окончания университета он получил приглашение в Институт геологической карты в Ленинграде.

Мы беседовали, перебирая вехи жизненного пути Ивана Паисьевича. Судьба повернулась так, что в 1930 году институт направил его из Ленинграда в родные места – в Якутию. Страна приступала к освоению северных районов. Требовались люди знающие, крепкие, выносливые, способные претерпевать неустроенность быта, выдерживать тяготы походов в местах нехоженых и труднодоступных, а порой и опасных. Экспедиции предстояло провести геологическую съемку на обширной площади в бассейне среднего течения реки Лены и ее притоков.

Не счесть, сколько верст отмеряно ногами с геологическим молотком и рюкзаком для сбора образцов пород и минералов. Ломом и киркой долбили шурфы – надо было не только оценить выходящие на поверхность обнажения пород, но и «заглянуть вглубь», выявить последовательность залегания геологических образований или, как говорят геологи, изучить стратиграфию земных недр.

Пять тысяч квадратных километров – такая площадь была покрыта геологической съемкой за полевой сезон. Одновременно были составлены разрезы кембрийских отложений, собрана первая большая коллекция древнейших ископаемых животных, которая вместе с другими палеонтологическими находками послужила для разработки основ стратиграфии кембрия, что в будущем привело к открытию нефти в Сибири.

– В тайге в экспедиции отец встретился с будущей моей матерью, – говорит Арнольд Иванович. – Ольга Васильевна Стрелова окончила медицинский факультет в Иркутске и работала врачом. Верхом на лошади она пробиралась к пациентам в дальний улус. Оказалось, отец знаком с ней по детским годам в Якутске. Их пути пересеклись, чтобы не разлучаться.

В конце 1935 года наша семья переехала в Ленинград, – продолжил рассказ Арнольд Иванович. – Отец работал в Институте Арктики, в геологическом отделе. Но семья вела по существу кочевой образ жизни. Экспедиции вновь привели отца на север Якутии. Случались иногда поразительные

Потомки Атласова

совпадения. Однажды судьба забросила его геологосъемочную партию в Алдано-Майский район, где полтара века назад пролегали казачьи маршруты Владимира Атласова и тот доставил в Якутск сведения о находке там слюды. Но теперь его потомку в веке XX суждено было досконально исследовать земные недра, чтобы выявить месторождения полезных ископаемых.

Арнольд Иванович разворачивает папку и в подтверждение своих слов показывает газету «Геолог Якутии», где напечатана статья об отце.

Работая на севере, Ивану Паисьевичу пришлось возглавлять две крупнейшие зимовочные экспедиции в необследованных районах – Восточно-Верхоянскую и Нижне-Колымскую. В Верхоянье было обнаружено железорудное месторождение. А в южных районах Полоусненского хребта установлены выходы гранитов, кварцевые жилы, проявления касситерита, установлены признаки металлического оруденения (золота, олова, вольфрама). На основе этих исследований были развернуты поиск и разведка, которые привели к открытию крупнейшего месторождения олова. В будущем здесь был построен обогатительный комбинат и поселок, известный в стране под названием Депутатский.

В период Великой Отечественной войны Иван Паисьевич по заданию правительства занимался исследованием в приполярных районах топливных ресурсов для портов, создаваемых вдоль Северного морского пути.

С 1950-х годов объектом его исследований на долгие годы стала геотектоника Арктики. Защищена докторская диссертация о строении восточной части Сибирской платформы. Он знал ее строение как свои пять пальцев. Неслучайно его статья «Некоторые особенности размещения кимберлитовых тел на северо-востоке Сибирской платформы» был взята на вооружение геологами, что способствовало открытию ряда месторождений якутских алмазов.

Уникальной работой коллектива ученых института стала «Тектоническая карта Арктики и Субарктики», редактором и составителем которой был И.П. Атласов. Материалы, собранные им по геологии Севера, использованы в ряде учебников по геологии. В частности, кембрийский разрез восточной окраины Сибирской платформы признан одним из лучших в мире благодаря образцовым сборам трилобитовой фауны, сделанной Иваном Паисьевичем. А два важнейших вида кембрийских трилобитов названы именем Атласова.

В 17 из 22-х экспедиций И.П. Атласов был начальником и научным руководителем. На его исследования ссылаются в своих работах многие ведущие геологи – В.А. Обручев, Д.И. Мушкетов, Д.В. Наливкин и другие. С известным полярным исследователем Н.Н. Урванцевым он много лет работал в одном кабинете. Дружил с Е.Н. Фрейбергом – моряком, гидрографом и геологом, бывшим в 1920-х годах начальником Командорских островов.

Иван Паисьевич был удостоен звания «Почетный полярник», «Отличник разведки недр», награжден многими правительственными наградами.

Перебирая фотографии в семейном архиве Атласовых, я обратил внимание на один старый пожелтевший снимок. Оказалось, это потомок «камчатского Ермака» Ксенофонт Петрович Атласов. Это о нем рассказывает в книге «Фрегат Паллада» известный русский писатель И. Гончаров. В 1855 году, возвращаясь после кругосветного путешествия с Дальнего Востока в Петербург, И. Гончаров встретил в Якутии на Алдане местного исправника К.П. Атласова. «Последний (К.П. Атласов, потомок Атласова, одного из самых отважных покорителей Камчатки) был так добр, что нарочно ездил вперед заготавливать нам лошадей... Есть всего одна телега, ее оставляют мне, а прочие едут верхом». В другом месте писатель продолжает: «Мы остались тут ночевать: утром, чуть свет, лошади были готовы. Мы пошли поблагодарить исправника, но его уже не было. – Где же он? – спрашиваем. – Да уехал вперед похлопотать о лошадях, – говорят нам, – на нарочного не понадеялся». На третьей станции мы встретили его на самой дурной части дороги. «Все готово, – сказал он, – везде будут лошади», – и, не отдохнув получаса, едва выслушав изъявления нашей благодарности, он вскочил на лошадь и ринулся в лес, по кочкам, по трясине, через пни, так что сучья трещали».

Там, где пролегали тропы землепроходца Атласова, его потомок обустраивал на дорогах станции, где можно было остановиться проезжим.

– Начиная от Ксенофонта Петровича до наших дней, мы знаем потомков средней линии, к которой принадлежим и мы, – говорит Арнольд Иванович. – Во многом нам помог составить родословное древо доктор исторических наук Борис Петрович Полевой, занимавшийся историей Камчатки. – Но вот три поколения «камчатского Ермака» – от его сына Ивана Владимировича до Ксенофонта Петровича – пока не известны. Собираюсь обратиться в архивы Якутска.

И вот недавно Арнольд Иванович прислал выписки из Национального архива Республики Саха (Якутия), которые восполняют этот пробел. В предписании Якутского областного управления архивариусу от 3 января 1829 года называются предки коллежского секретаря Фомы Атласова: его прапрадед – казачий пятидесятник Владимир Владимирович Атласов, прадед – казак Иван Владимирович Атласов (12 мая 1716 года он был произведен в дети боярские). А 26 мая 1743 года по указу майора Павлуцкого его дед Иван Иванович произведен в сотники.

В другом документе – прошении Фомы Никитича Атласова (возможно, брата нижнекамчатца Семена Никитича Атласова – С.В.)от 25 октября 1823 года императору Александру I о признании его законным владельцем покосных мест, также называются его предки: дед казачий сотник Иван Иванович Атласов, отец – казак Никита Иванович Атласов. Из дальнейших документов выяснилось, что у Никиты Ивановича кроме Фомы были сыновья Петр и Андрей. А у окружного исправника Петра Никитича Атласова среди пятерых детей упоминается сын Ксенофонт – т.е. Ксенофонт Петрович, о котором писал И. Гончаров. Итак, все встало на свои места.

В этой связи любопытно свидетельство историка А.И. Алексеева о том, что при обороне Петропавловска в 1854 году от англо-французской эскадры, среди защитников порта находился потомок землепроходца, уроженец Якутска, боярский сын Семен Никитич Атласов, служивший вахтером на Камчатской флотилии. Не был ли он сыном Никиты Ивановича, о котором говорится в архивных якутских документах? Известно, что во времена правления В.С. Завойко в Петропавловск были

переселены казаки из Гижиги, основавшие Сероглазку. Среди переселенцев был Атласов. Потомки его жили на реке Микиже возле Паратунки, в Ганалах и других селениях.

В моей записной книжке за 1970 год сохранилась запись о встрече с 52-летней Анастасией Ивановной Атласовой, работавшей на гидрометеостанции на реке Камчатка недалеко от Милькова. Родом она из Шаром. Отец ее Иван Каллистович был председателем колхоза в Ганалах в 1940-е годы. Но были ли они потомками землепроходца, трудно сказать. Известно, что при крещении коренных жителей полуострова многим «лутшим мужикам» камчадалам давали фамилии известных людей. Об этом пишут С.П. Крашенинников и другие исследователи. Фамилия Атласова и сейчас встречается среди жителей края.

Во время съемки фильма мы побывали на дне рождения старейшины знаменитого рода Агнии Паисьевны Атласовой, которой 31 января 2001 года исполнилось 95 лет. Бухгалтер по профессии, она жила в подмосковном городе Подольске с многочисленной родней. Поздравить тетю приехали из Санкт-Петербурга Иван Иванович и Арнольд Иванович. Поздравительную телеграмму прислал с Ямала Евгений Иванович.

На вечере провозглашали тосты за носителей знаменитой фамилии. Вся родня, все гости желали Агнии Паисьевне долгих лет жизни. И она прожила 100 лет!

На Дальнем Востоке и в Якутии, в Санкт-Петербурге и в Подмосковье живут и работают ныне более 300 потомков великого землепроходца, имя которого навечно вписано в историю Сибири и Камчатки».

АЩЕПКОВЫ (см. ощепковы)

Битва В.Атласова с Коряками, на р.Палана

